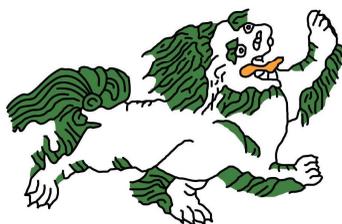

Кхенпо Кьосанг Ринпоче

ЕВРОПА ГЛАЗАМИ СНЕЖНОГО ЛЬВА

Ярославль
Издательство ЯРООИКЭНВ
2012

УДК 294.3
ББК 86.35 Англ.
К97

Перевод с английского: Б. Ю. Иванов, А. О. Ламыкина,
Е. С. Смоленская

Редактор Б. Ю. Иванов

Кхенпо Кьосанг Ринпоче

К97 Европа глазами снежного льва. Пер. с англ. – Ярославль: издательство Ярославской региональной общественной организации по изучению культуры и этнографии народов Востока, 2012 г. – 108 с.

Книга выдающегося буддийского ламы даёт критические оценки духовной жизни западной Европы и предлагает оригинальную трактовку древних буддийских истин.

ББК 86.2; 86.35 Англ.

Оригинал этой книги опубликован на английском языке под названием “Snow Lion Faces Europe” в издательстве Lulu Enterprises, Inc..
Публикация данного перевода согласована с автором.

© Khenpo Kyosang Rinpoche, 2012
© Издательство ЯРООИКЭНВ, 2012
© Б. Ю. Иванов, А. О. Ламыкина, Е. С. Смоленская – перевод, 2012

Содержание

Предисловие к английскому изданию. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	4
Потребители. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	5
Роботы. <i>Перевод А. О. Ламыкиной</i>	17
Демократия. <i>Перевод Е. С. Смоленской</i>	25
Миры. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	32
Женщины. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	43
Возрасты. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	51
Музыка. <i>Перевод А. О. Ламыкиной</i>	62
Неправды. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	67
Будда и Христос. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	75
Интуиция. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	81
Буддизм и христианство. <i>Перевод Б. Ю. Иванова</i>	91
Четыре истины. <i>Перевод А. О. Ламыкиной</i>	99

Предисловие к английскому изданию

Эта глубокая и удивительная книга является по своему жанру собранием религиозных проповедей. Тем не менее, её автор, Кхенпо Кьосанг Ринпоче, который живёт в Европе многие годы, никогда не был священником. Он, директор Института имени Дже Цонкапы, – выдающийся буддийский лама.

Ринпоче никогда не писал этих проповедей. Он произносил их по разным поводам, и по-немецки, и по-английски. Он никогда не разрешал записывать свой голос. Однако я несколько раз это правило нарушил. Каждый раз он позволял мне сохранять запись в течение недели. Мне было жаль совсем потерять эти записи, поэтому я расшифровал их, прежде чем удалить. Так появилась эта книга.

Читатель этой книги должен отказаться от предубеждений, открыть свой ум. Замечания Ринпоче о западном обществе могут шокировать. Какими бы странными они ни казались, их правдивость удивит читателя. Размышляя о них, нельзя не увидеть, насколько они верны.

Однако не только ради критики Запада стоит прочитать эту книгу. Ринпоче даёт удивительные ответы на вопросы, которые многие из нас задают сами себе.

Первым названием этой книги было «Учение за гранью традиции». Ринпоче оно не понравилось. Он сказал, что ни одна из его проповедей не выходит за рамки буддийской традиции. Я думал над названием, когда внезапно мне попало на глаза изображение льва и единорога: иллюстрация сэра Джона Тэнниела к знаменитой сказке Льюиса Кэрролла. Я показал иллюстрацию Ринпоче, и он рассмеялся. «Этот лев в точности изображает собой Европу», – сказал он. Вот так появилось теперешнее название и картинка фронтисписа.

Надеюсь, что читатель извинит некоторые неправильности текста, осознав, что английский язык ни для автора, ни для переводчика не является родным.

Пусть все живые существа будут счастливы!

Людвиг Рёмер

Потребители

Иногда нужно говорить не только о религиозных истинах, но и о светских. На самом деле, не существует никаких «религиозных» и «светских» истин. Закон кармы действует везде, каким бы испорченным ни был человек. Глупо верить, что закону кармы подчиняются только монахи и священники. Разделяя религиозные и светские истины, мы совершаем большую ошибку. Мы как бы показываем, что религия непрактична и неприменима к миру, в котором мы живём. Но, в действительности, только современное западное общество думает так. Даже средневековый Запад не считал, что религия неприменима к миру. Христианство в средние века изо всех сил пыталось построить в Европе Царство Божие. Получилось это плохо. Но уж что получилось. Толпы европейцев, и знатных, и бедных, снимались со своих мест, чтобы отправиться в Иерусалим освободить Гроб Господень, не имея перед глазами никакой более практической цели. А вы говорите, что религия неспособна влиять на мир! Но проводником этого влияния всегда остаётся человек. Человеческое сознание. Вещи таковы, какими мы их считаем. Если мы считаем религию ведущей силой мира, она становится ею. Если мы считаем религию абстрактной, непрактичной вещью, она ей и становится.

Сейчас большинство людей Запада считают религию именно непрактичной абстракцией. Именно поэтому вы отделяете «религиозные» истины от «светских». И, разумеется, вы всегда удивляетесь, когда религиозный профессионал начинает говорить о мире, то есть о чём-то, в чём он, по-вашему, совсем ничего не смыслит. На самом деле человек или глуп, или нет, он или понимает мир, или нет. Если он его понимает, то понимает его целиком, потому что мир не разделяется. Мир един. Религиозный профессионал должен лучше всех разбираться в мире, в людях, в их эмоциях, в женщинах и в мужчинах. Именно с помощью религии. Если у него не получается, значит, его религия никуда не годится.

Я думаю, что многие из вас считают, что христианство как практическое учение никуда не годится. Поэтому вы и изучаете буддизм. Я полагаю, что вы серьёзно ошибаетесь. Непрактичное учение не смогло бы просуществовать две тысячи лет. Было бы очень хорошо внимательно изучать христианство, чтобы отделить в нём истину от

лжи. Я полагаю, в нём много истины. Но христиане тщательно оберегают свои неправды. На них выстроено общество. Я мало что могу сказать о христианстве. Я должен был бы стать христианином, чтобы говорить о нём. И даже о буддизме я не собираюсь сейчас говорить. Точней, именно о буддизме, но только не о буддизме в чистом виде. О буддизме, который обнажает ошибки.

О потреблении.

Вначале – пара слов из буддийской азбуки. Вы знаете, что Благородный путь состоит из восьми частей. Правильные знания, мысли, слова, поступки, способ существования, усердие, памятование, концентрация. К чему это я говорю? К тому, что ни одну часть Благородного восьмеричного пути нельзя пройти пассивно.

Например, вы не можете просто нажать на некую кнопку и начать произносить правильные слова. И вы не можете просто заучить эти «правильные слова», потому что правильных слов в абсолютном смысле вообще нет. Если вы скажете «Ты лжёшь» своему порочному ученику, эти слова будут правильными. Если вы скажете то же самое своей больной матери, слова не будут правильными, даже если они истинны. Правильные слова не существуют сами по себе, вне зависимости от вещей и людей. Чтобы произносить правильные слова, вам постоянно нужно думать, постоянно требуется прилагать усилия.

То же самое – с действиями, вниманием, концентрацией, способом существования. Наивно думать, что есть какой-то один универсальный правильный способ существования. Даже монашество не является им. Представьте себе, что на Земле останется только один мужчина. Если он станет монахом, человечество вымрет. И наоборот, даже существование в качестве профессионального убийцы не всегда является ложным. Строго говоря, любой солдат есть профессиональный убийца. Но есть времена и войны (правда, их по-настоящему мало), когда нужно сражаться. Итак, всегда человек должен размышлять, доверяя прежде всего собственной совести. Если у человека нет собственного сознания добра и зла, Бог принесёт ему мало пользы.

Фактически, весь путь к Освобождению – это сознательный труд. Существует труд, а существует нечто, противоположное сознательному труду. Потребление.

Идея потребления родилась вместе с деньгами. Что я имею в виду под потреблением? Состояние, когда человек пассивно ожидает для себя каких-то удовольствий, каких-то приятных ощущений. Как правило, он считает, что имеет право на эти ощущения. Например, потому, что заплатил за них своими деньгами, которые честно заработал.

Идея потребления появляется в касте вайшьев, торговцев. У других каст есть другие идеи: например, идея пророчества, идея благодати, идея служения. До тех пор, пока идея потребления остаётся в рамках третьей касты, она не приносит особого вреда.

Проблемы начинаются, когда идея потребления захватывает другие касты, когда потребление проникает в науку, искусство и религию.

Начнём с науки, с образования.

Я сравниваю европейскую школу с монастырской школой, в которой учился сам, и прихожу к выводу, что обучение стало «сахарным» как никогда.

Раньше ученики должны были заучивать огромные тексты наизусть. Теперь у них есть компьютеры и Всемирная сеть. Всемирная сеть – великое изобретение, но если вы храните тексты в сети, а не в вашей голове, то чему же вы научились?

Раньше, даже у вас, мальчики учились отдельно от девочек. Теперь мальчик и девочка могут сидеть за одной партой.

Раньше не было других пособий, кроме книг. Теперь ученики могут смотреть учебные фильмы. Не было ничего, кроме лекций и дебатов. Теперь половина обучения проходит в играх.

Короче говоря, делается всё, чтобы школьник мог получать приятные ощущения, и при этом при минимальных усилиях. Это считается демократией и гуманизмом. Но нужно хорошо понимать, что школа как источник наслаждения никогда не сравнится с алкоголем,

наркотиками или половой жизнью. Современные школьники, похоже, прекрасно это понимают.

А самое главное, ложна сама идея всеобщего обучения. Вы ведь никогда не будете делать монахом человека, который не хочет быть монахом. Такой человек не принесёт пользы ни в монастыре, ни в миру. Но при этом вы зачем-то искусственно штампуете учёных в огромных количествах: людей, которых их образование отвлекает от реальной жизни, но не даёт им возможности жить духовной жизнью. Так появляется огромная масса несчастных.

Но опять же, сама идея современной школы, где ученик может откинуться на спинку стула и получать удовольствие, никогда бы не вошла в ваш ум, если бы не идея потребления. Вы считаете, что знание можно потреблять. Как в детстве, так и во взрослом возрасте.

Взрослые люди, которые продолжают учиться, называются учёными. И здесь снова даёт себя знать культ потребления.

Вы считаете, что науку можно использовать для того, чтобы пассивно получать удовольствие от жизни. Некий учёный изобретёт умные машины. Эти умные машины будут стирать бельё, мыть полы, печатать за вас книги, доставлять вас в любую точку земного шара и так далее, так что вам не придётся совершать никаких усилий.

Но, видите ли, здесь не всё так просто. Вы едете в другую страну, но остаётесь в своём собственном мире, так как её культуру вы презираете. Разумеется, стиральные машины и печатные книги – благо. Машина может перепечатать книгу, так что вам не придётся её переписывать или вырезать ксилографические таблички из дерева вручную. Но если вы потратили целый год на то, чтобы вырезать из дерева полсотни табличек первого тома «Ламрима», то вы запомните эту книгу. Вы будете её ценить. И так как при таком способе печати книги слишком дороги, никто не будет совершать ненужных усилий. Никому не придёт в голову от руки переписывать «Плэйбой». Не стоит труда. Однако сейчас вы без труда можете найти во Всемирной сети любую книгу. И более того: любую аудиокнигу. Вам даже не придётся переворачивать страницы. Компьютер прочитает книгу вслух. Если потреблять книги, то есть получать удовольствие от них безо всяких усилий, то они обесцениваются. Вы спрашивали меня,

отчего я не хочу написать книгу. Возможно, именно поэтому. Устное учение гораздо сложнее воспринимать. А человек должен прилагать усилия, если он хочет учиться. Без усилий нет никакой учёбы.

И здесь мы переходим к искусству. Ведь книги бывают разные. Есть художественные книги. Точно так же есть великая музыка. Некоторые музыкальные и литературные произведения, относятся к великому искусству.

Но как вы воспринимаете искусство? Как вещь, которая должна доставить вам приятные ощущения, при условии, что вы не совершите никаких усилий. Иначе говоря, вы потребляете искусство. Но если искусство потреблять, то, конечно, следует предпочесть Майкла Джексона Бетховену. Я не имею в виду, что они приносят одинаково приятные ощущения. На самом деле, музыка Бетховена способна принести человеку гораздо более сильное ощущение счастья. Я имею в виду только то, что для восприятия Майкла Джексона требуется гораздо меньше усилий. Можно просто откинуться на спинку стула и ничего не делать. И ведь вы считаете, что имеете на это право. Ведь вы заплатили за диск Майкла Джексона. А диск с музыкой Бетховена тоже стоит денег. И вот вы искренне недоумеваете, почему вы должны совершать работу в своё свободное время. Ведь вам не так легко было заработать деньги, на которые вы купили Бетховена! А сейчас, вместо того, чтобы отдохнуть, вы снова вынуждены работать. С какой стати?

Но здесь – одна из главных неправд, на которых построено ваше общество. Неправда о том, что труд всегда приносит страдание, а отсутствие труда всегда приносит счастье. Одновременно вы считаете трудолюбие величайшей добродетелью. Поэтому для вас религия – страдание. Если бы любой труд был страданием, тогда заключённые одиночных камер были бы самыми счастливыми людьми на земле. Но, кажется, это не так? Ложная идея о том, что любой труд есть страдание, была внушена вам в школе, где вы совершали тяжёлый и бесполезный труд, забывая свою голову мёртвыми словами. Факт остаётся фактом: вы хотите потреблять книги, фильмы и музыку.

А ведь есть люди, которые всерьёз считают, что Майкла Джексона можно приравнять к Бетховену! Они утверждают, что современная музыка – попросту альтернатива классической. Это подобно тому, как

в Америке имбецилов называют «альтернативно одарёнными». Будьте честны: если имбецилы имеют какое-то дарование, которого обычные люди не имеют, тогда они должны преподавать в школах. Впрочем, я не удивлюсь, если через полвека в ваших школах будет происходить что-то подобное.

Искусство можно потреблять, а можно, с помощью искусства, усовершенствовать себя. Трудиться над собой. Но здесь тоже происходит фатальная ошибка. Вы убедили себя, что любой труд тяжёл и приносит страдание. Значит, считаете вы, любое подлинное искусство должно быть тяжёлым, а восприятие его должно приносить страдание. Это легко заметить на европейских фильмах. Огромное множество их – это так называемые игровые фильмы, фильмы для потребителя. И есть небольшое число фильмов, смотреть которые невыносимо, досмотреть которые до конца крайне сложно. Вы рукоплещете им и называете их настоящим искусством. Я полагаю, нельзя сделать ошибки хуже.

Истинное искусство неразрывно связано с красотой.

Один немецкий поэт написал: «Красота есть не что иное, как начало ужасного, которое мы способны вынести. И мы восхищаемся им потому, что оно не уничтожило нас».¹ Это подобно обращению к могущественному идаму.² Если идам по-настоящему силён, то при его появлении вы испытаете чувство восторга и одновременно страха. Этот страх объясним, ведь слишком сильные впечатления способны разрушить сознание человека. Но никогда вы при его появлении не испытаете чувства отвращения и скуки, которое возникает при

¹ Кто, коль вскричу, услышит меня из небесных
Иерархий? И даже если б явился
Ангел, прижав меня к сердцу, я сгинул бы вмиг перед мощью
Жизни его. С красоты начинается ужас.
Вынести только начало ещё мы способны
И восхищаемся им, ибо презрело оно
Нас уничтожить. Каждый ангел ужасен.

Райнер Мария Рильке, Первая элегия

² Идамы – божества личных практик, которые являются символами определённых состояний сознания и помощниками верующих на их духовном пути (прим. Б. Ю. Иванова).

просмотре современных фильмов для интеллектуалов, которые вы ошибочно считаете высоким искусством.

Настоящая красота сложна. Положите рядом камень и цветок. Оба красивы в своём роде. Но цветок гораздо сложнее камня. Нужно больше усилий, чтобы понять его красоту. Соната Бетховена ещё сложнее. По-настоящему сложную красоту невозможно понимать без усилий и без развития ума. Но потребитель не привык прилагать усилия. Поэтому настоящая красота умрёт, если относиться к искусству только как к объекту потребления. Полагаю, что она уже умирает. Обратите внимание, что во второй половине двадцатого века в Европе не появилось ни одного великого композитора. Правда, я не исключаю, что я ошибаюсь. Возможно, и сейчас существуют истинно великие композиторы. Но их музыка обречена на умирание.

Вы скажете мне, что всё не так печально. Ведь до сих пор существуют концертные залы, где исполняют классическую музыку. Но, признаюсь честно, современные концертные залы тоже кажутся мне местами для потребления. Вы ведь не будете отрицать, что на стадионе люди не совершают особого труда над своим сознанием? На стадионе зритель получает сильные впечатления, наблюдая, как спортсмен трудится на границе своих сил, совершает почти невозможное. Наблюдать чужой труд приятно и не требует усилий. Но ведь и музыкант-исполнитель тоже трудится на пределе своих возможностей. Вы не простите ему ни одной фальшивой ноты. Вы ведь заплатили за концерт немалые деньги. Вот поэтому я считаю большинство посетителей концертных залов потребителями. Взять хотя бы ту причину, что это самое большинство в обычной жизни классическую музыку не слушает. Значит, их привлекает не музыка как таковая, а мастерство и труд исполнителя. Или, для женщины, возможность всем показать своё новое платье. Или, для мужчины, возможность всем показать свою новую женщину.

Но идея потребления не ограничивается образованием и искусством. Вы считаете, что способны потреблять религию.

Вначале о христианстве, так как это, в конце концов, та вера, которую большинство европейцев притворяется, что разделяет. Вы идёте в церковь, слышите прекрасное пение, слышите органную музыку и испытываете приятные ощущения без особого труда.

Затем пастор произносит проповедь. Я с большим интересом читал некоторые сборники проповедей известных христианских проповедников. У меня сложилось впечатление, что раньше проповеди были более критичными. Более жгучими. Сейчас они стали абстрактными. Пастор говорит о том, что должно быть. Например, об идеальном добре. О любви ко всем людям. Или ко Христу. Вам внушают мысль, что эта любовь ко всем людям – что-то очень простое. Ведь иначе вам подробно объясняли бы, как достичь этой любви. Вас убеждают, что вы способны к ней уже на том простом основании, что вы христиане и этим выгодно отличаетесь от язычников. Никому никогда не придёт в голову бросить в воду человека, который не умеет плавать. Вначале нужно учиться плавать. Но никому никогда не придёт в голову учить другого, как делать детей. И вот вам кажется, что любовь ко всем людям и ко Христу так же проста, как и то, о чём я только что сказал. Это приносит вам удовольствие. И, заметьте, это удовольствие рождается без всяких усилий. Но получать удовольствие без усилий означает потреблять. Выходит, вы потребляете проповедь.

А иногда вам всё же приходит в голову, что вы живёте неправильно. Вы испытываете угрызения совести. Вы идёте в храм и каетесь. Облегчаете душу. И священник произносит: «Прощаю тебе грехи твои». Абсолютно ложная идея. Каким образом он может уничтожить ваши омрачения, если вы сами ничего не совершили для этого? Подобное противоречило бы закону кармы. Но вы верите ему. Это же так приятно. Таким образом вы потребляете исповедь.

Я слышал, что раньше христианские священники накладывали на тех, кто совершил зло, так называемые эпитимии, подобно тому, как это делается в монашеской сангхе в отношении провинившихся братьев. Священники заставляли их читать специальные очистительные мантры. Очень хорошая практика, хотя недостаточная сама по себе. Необходима ещё сила Прибежища и сила обещания больше не совершать зла. Возможно, вам кажется, что я наивно переношу буддийскую догматику на христианство. Но я думаю, что духовные законы одинаковы. Каким образом можно избавиться от зла, если не обещать себе больше не совершать его? И я ведь не имею в виду Прибежище в Будде. Конечно, христиане должны принимать Прибежище во Христе. Но принять Прибежище во Христе и Его

Дхарме означает доверять Христу и Евангелию, а не учёным, не психоаналитикам, не родственникам и знакомым. Ну, и кто же из христиан делает так?

Но многие из вас разочаровываются в христианстве. Вам кажется, что оно не объясняет жизнь. Не помогает вам жить. Строго говоря, Христос и не обещал вам, что поможет вам жить. Он обещал привести вас к Небесному Царству, что, полагаю, является христианским обозначением Окончательного Освобождения. Разумеется, врач может вылечить только тогда, когда пациент принимает все лекарства и строго следует всем советам врача. Я не буду вам напоминать все советы Евангелия, но, в любом случае, вы не следуете им. Тех, кто следует, вы называете сумасшедшими или коммунистами. Так или иначе, вы разочарованы во враче, который вас лечил, хотя не приняли ни одного из его лекарств. Вы ищете другого. Половина Азии поклоняется Будде, и вы думаете: «Да, это то, что мне надо!»

Кроме того, буддизм – модная религия. Священников много, а лам в Европе мало. Должен вам сказать, что христианство в Китае тоже является модной религией. Даже в Лхасе есть христиане. Более того, я даже держал в руках Евангелие, переведённое на тибетский язык. Так было и десять веков назад, когда индийские учителя были в Тибете очень модными, а тибетцев никто и слушать не хотел. Люди не меняются.

Но ведь вы не отказались от своей привычки потреблять, то есть получать удовольствие, не прилагая усилий. Что же получается?

Вы находите ламу, получаете от него «учение», точнее, фрагмент Учения, и, не дослушав Учение до конца, начинаете практиковать. Вы очень нетерпеливы. Вы хотите быстрых результатов – и, разумеется, приятных ощущений. Через какое-то время, послушав нескольких лам, прочитав несколько книг, вы находите для себя практику, которая совершает в вас более быстрые и заметные изменения, чем другие. Более быстрая практика не означает самая лучшая. Например, вино быстро совершает изменения в любом человеке, но это не означает, что вино – это лучший напиток. То же верно и в отношении лекарств. Возможно, лучшие лекарства – это те, действия которых вы почти не замечаете. Но об этом вы не думаете. Ведь вы редко советуетесь с ламой. Сказать честно, у лам не всегда и есть время

давать вам советы. Лам мало, а европейцев много. И даже если лама живёт в вашем городе, вы его не спрашиваете. Вы считаете, что лама кусается. Я думаю, истина заключается в том, что вам попросту стыдно. Ведь вам с детства внушали, что вы почти как Христос, что вам не хватает самую малость до Христа. А тут придётся услышать много неприятного о себе. Всё же некоторые из вас советуются с ламой. Вы приходите домой и начинаете выполнять практику, которую вам посоветовали. Вы не видите быстрых изменений. Вы и не должны их видеть. Но вы говорите себе: «Старик ошибался. Он работает по шаблону. Он совершенно не учитывает, какая я сложная и уникальная личность». Вы именно так и говорите, я всё про вас знаю. И вы возвращаетесь к практике, которую сами для себя нашли.

Эта практика начинает приносить те или иные результаты. Например, тепло в позвоночнике. Или видения. Или чувство радости. Или чувство спокойствия. И что же вы делаете? Вы начинаете потреблять практику. Вы уже научились ей, поэтому её выполнение не требует от вас усилий. И приносит приятные ощущения. Вы ведь ради этого делаете практику, разве не так?

Некоторые на этом и останавливаются. А с другими случается нечто неожиданное. У них начинаются проблемы. И чем больше они практикуют, тем больше проблемы.

Вы не догадываетесь, что именно так и должно быть. Что это – хороший знак. Вы ведь начали лечиться, начали выгонять яды из организма. Вам должно стать плохо. Нужно просто немного потерпеть. Даже если придётся терпеть тридцать лет, этот срок – ничто перед плодом Окончательного Освобождения. Но терпеть тридцать лет вы не хотите. И даже год не хотите. Вы полностью отказываетесь от практики. После этого некоторые из вас начинают искать новую практику, другие – новую религию, а третьи разочаровываются в религии как таковой.

В конце концов, большинство людей не являются религиозными практиками, не связаны с искусствами и не занимаются наукой. Так почему бы вам не потреблять? Ведь вы имеете на это право, вы тяжело трудитесь, чтобы заработать деньги, и заслужили отдых. Но если вы не потребляете науку, искусство и религию, вы начинаете потреблять любовь.

И сексуальную, и романтическую. Вы хотите получать от половой жизни только удовольствие, без того, чтобы брать на себя труд рождения и воспитания детей. Как минимум, это приведёт к тому, что вас не останется. Что через сто лет в Париже будут жить одни арабы, в Лондоне – одни индусы, а в Берлине – одни турки. Кроме того, культ сексуальной любви приводит к тому, что ваши подростки слишком рано знакомятся с ней, и это вредит их сознанию. В прямом смысле слова: они глупеют.

Но сексуальная любовь – ещё полбеды. Вы интенсивно потребляете романтическую. Вам даже в голову не приходит, что ничто не появляется просто так. Сильные энергии сексуальной любви дают возможность для рождения ребёнка. Сильные чувства романтической любви дают возможность для творчества. Для воплощения красоты. Гёте не мог бы писать своих стихов, если бы не было постоянно влюблён. Это – специфика вашего, европейского творчества. Может быть, ещё индийского. В Тибете с этим делом обстоит хуже. У нас нет вашей грандиозной музыки. Хотя она совсем и не нужна нам. Здоровым людям не нужны сильные лекарства. Полагаю, что именно многочисленные болезни Европы вызвали появление классической музыки, которая может быть для сознания мощным лекарством, так же, как и сильным ядом. Именно искусство относится к тому лучшему, что есть в западном мире. Этого лучшего не так много. Но вы пренебрегаете им. Вы хотите потреблять без того, чтобы отдавать. Если бы каждый из вас, испытав романтическую любовь, совершал что-то прекрасное, Европа расцвела бы. Возможно, вам как раз и кажется, что вы цветёте. Ваше право так считать.

В конце концов, есть возраст, когда человек имеет право испытывать интенсивную романтическую любовь и ничего не отдавать взамен. Это – подростковый возраст. Подросток мало что способен дать человечеству. Но любовь совершает изменения в его сознании. Это верно в отношении подростка. Но если взрослый потребляет романтическую любовь, он останавливается в своём развитии на стадии подростка. А ведь потреблять означает получать приятные ощущения снова и снова. Так человек становится рабом романтической любви. Эта любовь превращается в наркотик. Обратите внимание: вся ваша культура, все ваши фильмы построены

на культе этой любви. Что же вы делаете с собой? Зачем вы сами себя превращаете в беспомощных детей?

А что, спросите вы меня, что мы должны делать? Не знаю, могу ли я дать вам советы. Даже лучшие советы не срабатывают. Но я всё же попробую. Вот два, очень простых.

Начните трудиться над сознанием. Перестаньте потреблять.

Роботы

Западное общество построено с помощью машин. Вы живете с ними и даже внутри них. Не говорите мне, что окружающая среда не влияет на сознание. Конечно, влияет. Мы, тибетцы, не самый нежный народ. Мы такие же, как наши горы. Чтобы жить в Тибете, нужно быть крепкими, как яки. Хотя горы умиротворяют. Против гор нельзя бороться так же, как против джунглей. Если вы побежите слишком быстро в горах, то сорветесь и погибнете. Вот почему мы не бываем слишком агрессивными. Просто сильные, трудолюбивые, сдержанные люди. Горы сформировали нас такими.

А вас такими сделали леса. Я далек от критики европейской культуры. Она прекрасна. К слову сказать, ваши композиторы тоже воспитывались лесами. Они всегда могли пойти погулять в лес. Что-то было там такое, что вдохновляло их. А сейчас лесов осталось очень мало. Конечно, они есть, но зачем они нужны так далеко от городов? Вместо этого у вас есть машины любых видов: автомобили, компьютеры, телефоны, лифты.

Я не говорю, что машины плохи. Когда я был ребенком, я мечтал о стиральной машинке. Плохо то, что они становятся вашим окружением. А оно формирует ваш характер.

Вот так вы, в конечном счёте, становитесь человекоподобными машинами. Роботами.

Вы скажете: это старое сравнение, старая метафора. Мы её давно знаем. Вы ошибаетесь: это не метафора, это простая реальность. А даже если и знаете, то что? Вы гордитесь этим? Кто-то, возможно, и гордится. Вы считаете это нормальным?

Сейчас вы начнете возражать. Скажете: не все так плохо. Мы не роботы. Кто-то, может быть, и робот, но в основном мы все образованные люди, здоровые ментально и физически, свободные от ваших азиатских комплексов и рабской преданности идолам и тиранам. Какие у вас доказательства?

Хорошо, у меня их достаточно.

Машины управляются командами. Для них слишком сложно чувствовать реальность. Поэтому вы загружаете команду, какие-то слова в неё, и машина реагирует. Реакция может быть очень сложной, продуманной. Но одну вещь вы не сможете изменить: машина всегда зависит от слов. И реагирует одинаково. Она не меняется.

Точно так же и вы ведете себя в жизни.

Знакомясь с новым человеком, прежде всего вы узнаете, кто он или она такой. А именно, как он зарабатывает деньги. Вы пытаетесь оценить его статус. Вы – большие мастера в такой оценке. Вы оцениваете человека не просто по визитной карточке, а по внешнему виду, одежде, манере разговора, лексикону и т. д. Человек гораздо больше, чем его профессия, должность или социальные привычки, но вы не обращаете на это внимания. Вы видите, что этот – ученый, этот – таксист, а тот – священник. Эта информация – как команда, как «пуск» на панели ваших инструментов, по которой вы будете действовать. В школах или семьях вас научили, как вести себя с учеными, таксистами или священниками. Вас уже запрограммировали. Неважно, следуете вы этим командам или нет, они застряли в вашей голове. Если вы не религиозны (а большинство из вас – не религиозны), то, скорее всего, не уважаете священников. Вы можете их критиковать, выказывать своё неуважение и даже бранить их. Это ничего не значит. Вы так себя ведете только потому, что они священники. Поэтому кто-то из вас автоматически будет чувствовать отвращение к ним, неважно, хороши они или нет. Все потому, что в ранней юности вы были запрограммированы атеистичными идеями кого-то из гуру западного мира. А если нет, значит, что-то просто испортилось в вашей машине. Компьютер вашего сознания поймал вирус. Он сломался под тяжелым бременем лжи, которой была набита ваша голова. И вот теперь, оскорбляя священников, вы считаете себя «свободной личностью». Ничего похожего. Вы действуете, исходя из вашего нового предубеждения, новой ментальной программы. Если бы вы действительно были свободны от предубеждений, вы, прежде всего, спросили бы: а что это за человек? Кто он, а не что он делает. Вы бы попытались его понять, вместо того, чтобы классифицировать. И если бы вы так делали, то осознали бы, что и католический священник, и коммунист могут быть хорошими людьми. А активист «Гринпис» или волонтер, помогающий пожилым людям, могут быть плохими.

Когда я приехал в Европу, мне сказали, что многие люди проявляют уважение ко мне просто потому, что они уважают меня лично, как человека. Я был удивлен этим, потому что многие из моих обожателей не имели возможности пообщаться со мной лично или услышать проповеди раньше. Однако менеджеры, которые меня сопровождали, уверяли, что все так и есть. Затем, внезапно, настали сложные времена, я был объявлен плохим человеком, псевдо-ламой. Я заболел и, вдобавок ко всему, у меня не было денег. Хорошие люди помогли мне, не спрашивая особо, кто я и что я. В те времена я был никем. Неудачником. Нищим. И где же были мои прежние обожатели? Я оставался прежним. Поменялось только название, бирка. Команда, которая предписала обращаться со мной определённым образом. Толпа людей поверила в одно слово – псевдо-лама. Хорошо, представьте себе, что я и вправду жестокий и равнодушный человек. Почему же тогда они не увидели этого с первого взгляда? Что, так сложно заметить чью-то жестокость? Сложно, если вы – робот. Робот действует по команде. Он не способен оценить реальность. Он не думает своей головой. Вам может показаться, что когда я называю вас роботами, мною движет личное оскорбление. Вы ошибаетесь. Я не забочусь о себе. Монах может существовать везде. Я начал разговор о роботизации западного сознания после первой недели, проведенной в Европе, когда меня слушали с большим энтузиазмом. Но я не мог не говорить правду. Я не собирался проповедовать сладкий, безобидный буддизм. И до сих пор не собираюсь.

Вы, вероятно, возразите мне. Вы скажете, что можете судить о людях не только по профессии. Что у вас гораздо больше сострадания и личных чувств к вашим близким, к людям, которых вы любите. С первого взгляда это похоже на правду. Но в реальности вы просто меняете бирку, вы вешаете на друзей, близких и любимых очередной ярлык. И после этого вы начинаете называть того же таксиста или ученого «солнышко». Но все ваши солнышки, по сути, одинаковы. Вы относитесь к ним ко всем одинаково, в соответствии с командой «партнер», которая была заложена в ваше сознание, без осознания того, что это за человек. Вы позволяете им иметь физические отношения с вами и заботиться о вас. Кричать «О, дорогой!» и всё такое. А в действительности особого интереса вы к ним не проявляете, так же как и они к вам. Вы не изучаете вашего партнера, не размышляете. Кто-то когда-то сказал вам, что партнер – это самый

близкий человек в вашей жизни. Что теперь у вас всё общее, что партнер разделяет с вами мысли, идеи и поступки, так же как и вы разделяете его чувства и убеждения. Но это не так. Он или она никогда не делают этого и не будут делать. Люди разные! Для вас было бы очень полезно изучать вашего партнера. Вы могли бы многому научиться у них, а они у вас. Симпатия начинается с понимания другого человека, с изучения его. После этого кто-то из вас, вероятно, осознает, что испытывает гораздо больше любви к нему или что не испытывает к нему любви. И даже если настоящая любовь существует, не все отношения одинаковы. Кто-то из ваших возлюбленных может помочь вам, а кто-то нуждается в вашей помощи. Кто-то пострадает от ваших грубых слов, а кто-то будет оскорблен, если вы будете вести себя слишком нежно с ним. И так далее. Но вы же никогда не размышляете, не различаете этого, действуете как роботы, по одной программе. Как только вы прикрепляете к человеку ярлык «партнёр», то сразу позволяете ему ложиться с вами в постель, называть вас «дорогая» и считаете его частью вас самих. Почему, если он или она никогда не были этой частью? Рано или поздно что-то пойдет не так, «дорогой» перестает быть сладким, нежным и сексуальным. Вы расстаётесь. И, скорее всего, начинаете обвинять противоположный пол. После первого такого разрыва вы думаете, что мужчине никогда не понять женщину. Таковую сложную, как вы, по крайней мере. Что женщинам никогда не понять мужчин. Такого глубокого, как вы. А вы сделали хоть что-нибудь, чтобы понять своего партнера? Я не говорю про всех. Мне приятно осознавать, что есть исключения. Но с каждым годом их все меньше, потому что роботизированное сознание вешает бирки на партнеров вместо того, чтобы изучать их.

Я сомневаюсь, что к самым близким и родным вы относитесь с уважением. Что такое уважение? Вы уважаете человека, если к нему как-то относитесь, если считаете его выше вас, если легко верите в то, что человек говорит, цените его слова, с радостью делаете что-то приятное для него и делаете это искренне, без личного интереса. Но не путайте уважение и культ личности. Ведь можно сотворить себе кумир, поклоняться кому-то как богу. Если же вы просто уважаете кого-то, вы относитесь к нему как к простому человеку, зная при этом, за что вы его уважаете. У европейцев много идолов. Однако многие не могут даже элементарно уважать кого-то. Даже родителей. Вы редко слушаете их советам, спорите с ними. Почему даже вашего Бога,

Иисуса Христа, вы не уважаете? Много ли вы делаете для Него? Можете ли вы поступиться всем, как Он учил? Пожертвовать всем, что нажили, ради Его блага? Отказаться от малейшей глупой идеи, эгоистичного желания или плохой привычки? Любая религия начинается с уважения и преданности. А не с философии. Она также может иметь в качестве своей основы поклонение, слепой культ, но тогда она вырождается в обычный фанатизм. Как мы, тибетцы, мы, простой народ, смогли бы овладеть сложнейшей наукой Праджня Парамиты, если бы не имели настоящей любви и преданности к Будде, нашему великому Учителю? Понимаете, вы не уважаете даже вашего учителя, а учитель, на мой взгляд, важнее, чем бог. Богов много, а хорошие учителя редки. А машина не способна иметь религиозные чувства. Религия – это нечто за рамками слов. Но вы не можете выйти за эти рамки.

Недостаток уважения движется параллельно вашему недостатку умственной независимости. И вновь вы мне не поверите. Вы полагаете, что у всех вас независимые собственные мнения, что вы никому не позволяете влиять на ваши идеи и суждения. Это не так. Вы спорите просто из детского желания спорить, но лишь немногие из европейцев имеют свое мнение. Вы страшно боитесь не быть оригинальными, быть похожими на других. Вы хотите отличаться от толпы. И добиваетесь этого любыми способами. Даже принимаете прибежище в Трёх драгоценностях. Зачем? Принятие Прибежища или вера в коммунизм – это просто способ перепрограммирования. Вы всего лишь останавливаете программу «Христианство» и начинаете исполнять программу «Буддизм». Но это сложно, потому что эта азиатская программа требует большой искренности. Вы одновременно боитесь и думать самостоятельно, и выглядеть заурядно. Выглядеть оригинально и думать независимо – это разные вещи. Вы считаете, что ваш способ мышления должен отталкиваться от теорий, что вы должны действовать так, как все остальные. Если какая-то идея, которой раньше не было, приходит вам в голову, вы просто её игнорируете, потому что у вас нет инструментов, чтобы работать над ней. А если появляется гений, вы немедленно делаете его посмешищем, начинаете его презирать, критиковать, забрасывать грязью, пока не выяснится, что это действительно гений. Робот не может думать по-своему. Не на что опереться его мышлению. Ваши мысли должны основываться на реальности. А они исходят просто из слов, которыми забита ваша голова.

Независимое мышление не всегда «оригинально». Издевательства над священниками и восхищение гомосексуалистами, по вашему мнению, очень свежи, потому что они ломают традиции. Однако традиции могут быть очень полезны. Но изучение догматики вызывает у вас скуку. Вы боитесь, что вас начнут называть занудами, если вы будете изучать догматику. А тому, кто не боится думать самостоятельно, не страшно, какую бирку на него повесят.

Вспомните 1933 год, год, когда Адольф Гитлер стал главой Германии. И сразу объявил, что Германия должна вернуться в своё средневековье, вновь стать империей. Гитлер думал независимо. Он, вполне вероятно, был вдохновляем демоническими силами, но роботом он не был. Если бы такая идея пришла кому-то из вас, то человека сразу же объявили бы сумасшедшим. Но не Гитлера. Наоборот: выяснилось, что немцы, оказывается, всегда об этом мечтали. Я не виню вас. Я просто хочу показать, как легко перепрограммировать того, у кого нет своего мнения.

Пожалуй, вы думаете, что есть ещё такая область, где остаётся доля спонтанности. Я имею в виду религию. Область, наименее роботизированная из всех областей человеческой культуры. Может быть, это и так, а может быть, и нет. Я расскажу вам историю, которую никогда не рассказывал. Когда-то я очень хотел узнать, как выглядит католическая месса. И я пошел в церковь. Не в монашеской одежде, естественно. Я надел брюки и рубашку. Там были и монахини, и прихожане-миряне. Я слушал проповедь и молитвы. Наступило время причастия. Я ничего не имел против Иисуса, поэтому решил принять в этом участие. Как вы знаете, во время причастия используются небольшие сухие хлебцы, облатки, которые символизируют тело Иисуса. Прихожанам священник кладёт их прямо в рот, а монахам – на ладонь. Я не видел особой разницы, и поскольку я монах, то вытянул руки, и мне положили хлебец на ладонь. Я вернулся на место. Но тут одна из монахинь повернулась и впиалась в меня взглядом. Конечно, она меня винила, потому что я нарушил общие правила. Я полагаю, что она и священника тоже винила за то, что он мне дал облатку в руки, а не положил в рот. Как мне было жаль эту монахиню! Конечно, никто не должен вести себя во время ритуала провокационно, я это хорошо понимаю. Нельзя оскорблять религиозные чувства других людей. Но я же не сделал ничего

плохого. И не её религиозные чувства я оскорбил. Её разозлило то, что правила были нарушены. Некоторые люди на Западе, из тех, кто ещё остается религиозными, страшно боятся допустить хотя бы малейший промах в ритуалах. Вы не забыли, что машины тоже работают по стандартной программе? Если хотя бы одна буква кода программы будет неправильной, все пойдет насмарку. Мы, тибетцы, конечно, тоже довольно консервативны в наших ритуалах, но мы не против нововведений. Мы не верим, что исполнение ритуала ведет к духовным достижениям точно так же, как запуск стиральной машины гарантирует чистое бельё. Но вы, европейцы, уверены, что машина всегда исполняет свою работу как надо, а значит, и причастие должно выполнять свою. После вашей смерти вы удивитесь тому, что вы не в раю, ведь причастие – это не машинальный процесс, ведь машинальное исполнение ритуалов никогда ничего не меняет. Я не понимаю, как вы можете годами ходить в церковь и не меняться. Только робот может совершать одно и то же действие много лет и не чувствовать при этом изменений. Зачем тогда нужна религия, если она ничего не меняет в жизни? Для человека такая религия не нужна. А для робота нужна, она обучает человекоподобные машины старым неправдам, на которых построено западноевропейское общество. Она позволяет вам почувствовать, что вы выполняете какие-то религиозные обязанности, и это дает вам право называться хорошим роботом. В религии нет обязанностей. Никто не обязан становиться лучше. Никто не обязан стремиться к Пробуждению. Хотя некоторые считают, что Пробуждение будет обретено вами сразу после смерти, что Иисус спасет всех вас от самсары. Что посещение церкви и воздержание от преступлений – это всё, что от вас требуется. Такая идея может прийти только в роботизированную голову, в голову, которая мыслит машинами и верит, что волшебное существо под названием «Бог» работает как огромное предприятие. Я не виню ваших священников. Даже лучший священник не сможет ничего изменить, когда он проповедует машинам.

И последнее, но не менее важное: вы думаете только о практической выгоде. Ну как же, ни один двигатель не производится просто для того, чтобы им любоваться. Любой двигатель создан для работы. Вы полагаете, что коэффициент полезного действия – это главная человеческая характеристика, что трудолюбие – главная добродетель. Если бы это и вправду было так, любой двигатель достиг бы Пробуждения быстрее, чем любой из вас. Вы когда-нибудь видели

святую машину? Человек может восхищаться красотой. А робот нет. В его сознании отсутствует часть, воспринимающая красоту. И это понятно, ведь красота не нужна для бизнеса. Вы скажете, что это не так, что у вас есть филармонии, что ваши студенты изучают Шекспира, Данте, Гёте и других авторов, принадлежащих западноевропейскому культурному наследию. Вы когда-нибудь задумывались, как вы обращаетесь с вашими культурными ценностями? Крайне прагматично. Ваши учителя сказали вам, что Гёте – это шедевр. Вы сами никогда бы этого не поняли, но вы верите вашим учителям и ученым, а они продолжают восхвалять Гёте. И делают это, честно говоря, автоматически. Они тоже роботизированы. Тем не менее, они делают свою работу, они несут культуру в массы. Но поскольку поэзия не может не вызывать у роботов скуку, вы пытаетесь сделать Гёте общедоступным, пытаетесь упростить великих авторов. Вы переводите их произведения на вульгарный сленг ваших тинэйджеров. Вы, видимо, считаете, что этот вариант лучше, чем никакой. Так думает любой робот. Что половина, треть шедевра – это лучше, чем ничего. Но если вы упростите Данте, то он просто перестанет существовать. Вся его красота будет уничтожена. Это может понять только настоящий человек.

Прекращайте быть роботами! Только человек может достичь Пробуждения. Будда ничего не говорил о роботах. Хотя, пожалуй, парочку он точно знал. Не верьте словам. Не вешайте на людей бирки. Изучайте их внимательно, особенно самых близких. Позвольте каждому вашим отношениям быть особыми. Уважайте тех, кто достоин уважения, не позволяйте политикам или журналистам управлять вами. Не бойтесь не быть оригинальными. Не верьте в механические ритуалы, которые могут быть эффективными только чудесным образом, без какого-либо труда вашего сознания. Развивайте ваше чувство Прекрасного. Только тогда у вас будет шанс вырваться из стальной клетки самсары, что роботам не дано. Почему? Робот сделан из стали. Как он может пойти против своей природы?

Демократия

Есть вещи, которые привлекают людей Запада в буддизме. Наше спокойствие, наш почти научный анализ ментальной сферы, отсутствие религиозной экзатичности и фанатизма. Есть, напротив, те, которые вам несимпатичны. Наш аристократизм. Наше глубокое уважение и почитание религиозных учителей, которые, с вашей точки зрения, недостаточно демократичны. С точки зрения американцев, тоже.

Европейцы обожествляют демократию. У вас есть два бога: Христос и демократия. И эти два бога сражаются друг с другом до настоящего времени. И сейчас, в начале XXI века, последний, похоже, побеждает. Сейчас вы поклоняетесь своей демократии гораздо больше, чем Христу.

Обожествлять идеи не очень хорошо. Обожествлять ложные идеи – губительно для нации.

Теперь вы можете спросить меня: «Почему демократия – это ложная идея?» Или, может быть, это я неправ, называя эту идею ложной?

Достаточно легко заставить людей поклоняться богу; достаточно сложно сделать их хоть немного мудрее. Тем не менее, я попытаюсь.

Вы знаете, что в индийском обществе существовало четыре касты. Брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Жрецы, администраторы, купцы и слуги. Эти четыре касты есть в любом обществе. Они есть и в вашем европейском обществе. Не думайте, что это так просто. Вы можете относить себя к жрецам, поскольку вы достаточно умны и получили хорошее образование. Но на самом деле большинство из вас являются шудрами. Почему? Потому что вы зарабатываете деньги, поступая на службу. Делаете то, что другие люди хотят от вас. Есть разница между брахманом и шудрой. Первый всегда говорит то, что он хочет, приятно это или нет, и этим он зарабатывает на жизнь. Второй говорит то, что от него хотят услышать другие. Вы в самом деле думаете, что ваша работа в школе, или в газете, или в офисе даёт вам возможность говорить то, что вы действительно хотите сказать? Не будьте наивны. Наивность – порок. По крайней мере, для буддистов.

Есть три возраста человечества. Каждый из них способствует процветанию одной из каст.

Было время, много веков назад, когда правили жрецы. Тогда ни один король не смел пойти против их воли. Такой тип правления называется теократией. Тибет – это единственная страна, в которой теократия сохранялась до середины прошлого столетия. До 1959 года.

Затем пришли времена, когда солдаты расстреляли священнослужителей, как это было в Тибете во время китайского вторжения, и начали править. Не всегда это было так скверно, как в 1959 году. Были и правители, которые защищали и поддерживали священников и монахов, например, царь Бимбисара, покровитель Будды, или великий царь Ашока. В любом случае, солдат не может существовать без офицера, а офицер – без офицерской гордости. Такой тип правления называется аристократией. Священнослужители – плохие управленцы, честно говоря. Они всегда своего рода мечтатели. Мечтатели очень важны для культуры. Без них не существует ни религии, ни искусства. Но мечтатель никогда не сможет достаточно хорошо управлять государством. Поэтому кшатрии побеждают брахманов. Воин смел, силен и умён. Вы не можете не быть умным, если от этого зависит ваша жизнь. Не забывайте, что Будда не был священнослужителем. Он был кшатрием, воином. Он не был мечтателем ни один день Своей выдающейся жизни. Он был превосходным управленцем и учёным.

Однако люди устают даже от самого хорошего управленца. Лучших всегда немного. Запомните это хорошо. Никому не нравится, когда немногие правят большинством. Кроме того, при аристократии почти нет «личной жизни». Бедным и гордым может быть рыцарь, но не торговец. Это так скучно – быть бедным и гордым, или бедным и в страхе перед гордыми! Так совершается новая революция, и царей свергают с престолов. Теперь все хотят быть политиками. И каждый получает такую возможность. Выборы. Парламент. Митинги. Такой режим носит название демократии.

Теперь поразмыслите. Я не имею в виду размышление о Будде. Просто поразмыслите. Подумайте. Проанализируйте.

Вы когда-нибудь задумывались, что хороших всегда меньше, чем плохих? Просто купите дюжину книг или фильмов или послушайте дюжину лам и убедитесь в этом собственными глазами и ушами. Честных, смелых и умных людей всегда немного. Все не могут быть умными и сильными. Эти «все» не могут не быть заурядными. Это и есть основная суть любой демократии: власть посредственности.

И к власти приходят шудры, слуги, или рабы. Те, кто громче всех кричит. Самые грубые. Потому что именно рабы получают самое плохое образование или не имеют его вообще. Те, кто борется за свои права «меньшинств», как это делают гомосексуалисты или проститутки. Те, кто, наконец, торжествует. Те, кто господствует над тремя четвертями современного общества. Те, кто постоянно заставляет других делать то, что хотят они, как в экономической, так и в интеллектуальной сфере. Потому что бывший раб не может не принуждать других, точно так же, как заставляли его самого. Он просто не может действовать по-другому. Рабы хотят похитить вашу свободную волю и сравнить вас с собою. И это – демократия.

Демократия основывается на трёх идеях Французской революции. Свобода, равенство и братство. Эти идеи кажутся очень привлекательными. Но на самом деле они вводят нас в заблуждение.

Прежде всего, воин или священник не равен слуге. Слон не равен мышке. Вы заставите слона голодать, если будете давать ему то же количество пищи, что и мышке. Но это именно то, что вы, европейцы, сейчас делаете.

Свобода. То есть свобода для рабов. Свобода сама по себе очень хороша. Но вы должны понимать, что рабы наиболее грубы. Кшатрии грубее брахманов, поэтому первые подчиняют последних. Вайшьи грубее кшатриев. А шудры самые грубые. Самые сильные. Если вы отпустите на свободу и волка, и овцу, то волк убьёт овцу. Если вы дадите свободу Бетховену и Майклу Джексону, последний восторжествует над первым. Бетховен и Джексон. Честная женщина и блудница. Человек с традиционной сексуальной ориентацией и гомосексуалист. Правильно, говорите вы, европейцы, это демократия и свобода, это естественная борьба за жизнь, и овца имела право бороться. Это её вина, что она не имеет клыков и когтей. И все же позвольте мне не любить свободу такого рода. Иисус, ваш учитель,

называл себя пастырем. А пастырь заботится о своих овцах. Он заботился о них. Вы – нет.

Братство. Рассматривать других людей как своих братьев – это очень хорошо. Но на самом деле никакое братство людей невозможно без чувства сострадания. Как вы можете заставить овцу поверить, что волк ей брат? Или наоборот? Вы бы хотели, чтобы ваша мать или ваша дочь считали лесбиянку или блудницу своей сестрой? Спросили ли вы её, хочет ли она этого сама? Люди действительно могут быть объединены; могут стать друг другу братьями и сёстрами. Но это братство начинается с воспитания в себе бодхичитты, вашего искреннего желания достичь Просветления на благо всех живых существ. С помощью Дхармы. У рабов немного Дхармы. Дхарма для них бесполезна. Они находят её скучной.

Вы, кажется, не согласны со мной. Вы говорите, что только демократия может защитить нацию от тирании.

Хорошо, а теперь посмотрите на свою собственную историю.

Вы помните Адольфа Гитлера, главу германских национал-социалистов? Вы помните, что фашисты были политической партией? Что националисты принимали участие в германских выборах в 1933 году? Что они **выиграли** выборы? Партия Гитлера победила на выборах 1933 года демократическим путём. Как вы смеете после этого говорить, что ваша демократия исключает кровавую тиранию?

Или есть здесь ещё те, кто смеет сравнивать Его Святейшество Далай-ламу и Джорджа Буша, американского президента, который начал вторжение американских войск в Ирак? Его Святейшество Далай-ламу никогда не избирали. Его образование никогда не направлялось посредственными людьми или рабами.

Год назад меня спросили, может ли лама быть избран членами религиозного сообщества и тем самым стать его главой. Конечно, может. «Лама» – это просто слово, условное понятие, нет «ламства», которое существует независимо, опираясь само на себя, где-то в воздухе или в небе. Вы можете выбирать любого ламу, которого хотите. Но уверены ли вы, что он будет хорошим ламой?

Как вы можете убедиться в этом? Есть только один способ найти достойного ламу: ощущение, что вы становитесь лучше, следуя его советам. Совершенствование собственной природы никогда не было простым делом. Поэтому слова ламы никогда не будут приятными для вас. Если вы достаточно мудры для того, чтобы выбрать человека, чьи слова вам неприятны (что редко бывает), тогда, безусловно, нет препятствий для выбора ламы демократическим путём. Демократия сама по себе ни плоха, ни хороша. (То же самое верно и для всех других вещей, как вы знаете.) Она хороша, когда люди хороши, плоха – когда они плохи. Кто-то выбирает Будду, а кто-то – Гитлера. Вот так и существует мир.

Но настоящий лама, выбранный или назначенный, никогда не может быть сторонником современной демократии. Кто такой «сторонник демократии»? Это тот, кто позволяет злу существовать. Тот, кто призывает разрешить однополые браки, кто признаёт права детей на непослушание и пренебрежение по отношению к родителям, кто считает, что мятежникам должно быть позволено стрелять в солдат правительственной армии, студентам теологии разрешено ничего не знать из Типитаки, Корана или Библии, просто потому, что они им не нравятся, сексуальным маньякам разрешено снимать фильмы. Извращения и неблагодарность, ненависть, невежество и вожделиние допустимы и даже приветствуются в демократическом обществе, потому, что «каждый должен быть свободен и пользоваться плодами свободы». Но такая свобода ведёт к сильнейшему рабству, когда три корня зла становятся вашими тиранами, а вы их рабами.

Лама – не тот человек, кто допускает ненависть, невежество и страсть. Он тот, кто их лечит. Он тот, кто запрещает. Поэтому любого ламу можно легко объявить «врагом демократии». Tant pis, как говорите вы, французы. Тем хуже. Тем хуже для демократии.

Я не политик и не занимаюсь политикой. Монах не может быть политиком. Почему же тогда так много слов о политике? Потому что она влияет на современное образование и религиозную жизнь Запада так же, как и на вашу политическую жизнь.

Представьте, что вы учитель. Представьте, что в вашей школе нашлось четыре подростка, которые хотят читать Шекспира или Гёте. Представьте, что другие ученики не хотят читать этих поэтов. Как вы

поступите, если вы – демократичный учитель? Вы позволите вашим ученикам решать, что они хотят изучать. Никакого Шекспира, никакого Гёте. Вместо этого – пара современных посредственных поэтов. В результате ваши ученики вырастут ограниченными и эгоистичными людьми, в сущности, довольно неприятными. Но ваша работа безусловно вызовет восхищение всех «друзей демократии».

Или представьте на мгновение, что вы стали священником. Что вы тогда станете проповедовать своим прихожанам? Будете ли вы заставлять их избавляться от ненависти и невежества? Что же, только посмейте почитать им мораль такого рода. Наверняка за углом найдётся другой проповедник, который скажет им, что Христос любит их всех. Всех, будь то убийца, блудница или лжец. Потому что Христос был другом демократии. Это в его церковь, не в вашу, пойдёт народ, это он получит деньги, это он победит. Это вы проиграете. Это вас затем цинично спросят: «Если ты такой умный, почему ты такой бедный?»

Между тем подумайте: как мог Христос быть другом демократии? Демократ желает сделать людей равными. Христос, который никогда не был равен другим людям, хотел, чтобы Его ученики уподобились Ему. Он хотел, чтобы они отличались ото всех, чтобы они шли своим путём. Того же хотел и Будда.

Вы спросите меня, что вам делать в современном демократическом мире, каким путем вам идти.

Прекратите желать быть посредственностью. Не бойтесь быть умнее других. Ищите осколки старой аристократической культуры. Вы можете найти настоящие жемчужины среди этих осколков, как я нашёл их в музыке старой Европы. Забудьте о своих демократических правах. Осознайте, что вам еще далеко до Будды. Поймите, что вы больше подобны свинье, чем человеческому существу. Затем начните поиск настоящего тирана вашего ума, настоящего кшатрия, честного и сильного. Того, кто свяжет вас и будет бить вас до тех пор, пока вы окончательно не избавитесь от вашей ненависти, страсти и невежества. Вы будете счастливы, если найдёте хорошего тирана. Но их по-настоящему мало в век демократии. Поэтому станьте сами себе рабами и тиранами, если не можете найти другого. Свобода современного мира ведёт к рабству, но ваше добровольное рабство

приведёт вас к Окончательному Освобождению. Идите на войну. Идите на войну со своими недостатками. Никогда не забывайте, что ваши недостатки сильны. Что они могут убить вас раньше, чем вы убьёте их. Поэтому сражайтесь. Напрягите все свои силы. Никогда не слушайте криков толпы. Толпа может казаться гораздо умнее вас, но именно вас, не их, убьют ваши недостатки, если вы будете прислушиваться к толпе. Никогда не прекращайте эту самую благородную из войн. Вы победите, рано или поздно. Это обещал Татхагата своим воинам. Вы не верите Ему, Татхагате? Тогда во что вы верите? В демократию? Жалкая вера. Не заботьтесь о защитниках демократии. Почему вы должны о них заботиться? Почему вы должны их бояться? Есть только одна вещь, о которой нужно заботиться. Окончательное Освобождение всех живых существ. Есть только одна вещь, которой стоит опасаться. Порок. Так будьте аристократом, если и Будда был им. Будьте князем. Князем собственного ума.

Миры

Ангел, человек и бес смотрят на стакан с жидкостью. Первый видит нектар, второй – обычную воду, третий – кровь или мочу.

Правда заключается в том, что в жидкости одновременно содержится природа всех трёх вещей: нектара, воды и крови. Наше восприятие различает только ту природу, которая ему соответствует.

Современная техника позволяет понять, как это происходит. Представьте себе металлическую плоскость, по которой рассыпаны шарики из того же металла. В нескольких местах плоскость нагревается. Если мы сфотографируем её в темноте, в инфракрасных лучах, на этой фотографии не будут видны шарики, а только нагретые места. Истина заключается в том, что металл одновременно содержит в себе и свойство формы, и свойство теплоты. При этом объектив обычного фотоаппарата способен воспринять только первое, а объектив прибора инфракрасного зрения – только второе.

Фактически, мы всегда видим то, чем в бóльшей или меньшей степени являемся сами. Если вы врач, вы в каждом человеке будете замечать болезни. Если вы учитель риторики или фонетист, вы будете замечать то, как человек говорит. Если вы лама, вы будете замечать человеческие несовершенства. В действительности, в каждом из нас есть все три элемента: тело, речь и ум. Если мы станем достаточно внимательны, мы осознаем все три.

До сих пор я не сказал ничего нового. Всё, что я сказал, известно каждому студенту, изучающему Абхидхарму. Проблема жидкости, которая одновременно имеет три природы, известна в тибетской догматике под названием ч у б а б или рассмотрение воды. Многим западным студентам эта проблема кажется абсолютно отвлечённой. Они не понимают, как это знание применимо к реальной жизни. В конце концов, не каждый день встречаешь ангела или демона.

Строго говоря, это не проблема буддийской догматики. Это ваша проблема. Вы привыкли к тому, что догматика всегда находится по ту сторону жизни. Я боюсь обидеть верующих христиан, но мне кажется, проблема в том, что немалая часть христианской догматики построена на лжи. На неправдах. Например, на идее о том, что существует

вечная идеальная романтическая любовь. Что каждый добродетельный человек может и должен быть богатым. Что почти все христиане являются последователями Христа. И так далее. Когда человек не находит в реальности тех идей, которым его учили, он начинает считать, что эти идеи существуют в какой-то потусторонней реальности. По ту сторону жизни. Вы привыкли к этой мысли. Мы – нет.

На самом деле, рассмотрение воды очень практично.

Если вода имеет как минимум три природы, то почему она не может иметь больше? Почему все вещи на свете не могут иметь множество природ? И у каждой вещи на самом деле много природ.

Но дело в том, что Вселенная состоит из вещей. А если быть точней, из вещей состоит мир. Миры. Глубоко наивно думать, что существует только один мир, одновременно населённый бесами, людьми, полубогами и богами. Старые тибетские и индийские мифы говорят, что боги живут на небесах. Раньше в это можно было верить, но теперь по небу летают самолёты и космические корабли. Ни один пилот или космонавт не видел ангелов. А ведь мы наверняка увидели бы их, будь они в нашем мире, разве нет?

Я отнюдь не имею в виду, что отдельные миры существуют в абсолютном смысле. Есть единый мир. И одновременно есть многие. Единый мир одновременно населён демонами, богами и людьми. Но что толку говорить про единый мир, когда мы, люди, не видим его других обитателей? По крайней мере, большинство из нас. В абсолютном смысле слова нет не только многих миров, но даже нет будд, нет идамов, нет нирваны и сансары, нет страдания и прекращения страдания, и нет Пути, как написано об этом в Сутре сердца Праджня Парамиты. Ну, и кому нужна такая тонкая мудрость? Эта мудрость подобна шёлку. Шёлк – очень хорошая ткань, но он не годится как ткань для тёплых зимних вещей. И вообще он мало на что годится.

Итак, миры есть. Создаются они сознанием чувствующих существ. Точней, не создаются, а обособляются. Появляется некто, неспособный воспринять мир целиком. Так он своим восприятием отрезает от мира часть и живёт в этой части. Затем появляется некто с

похожим восприятием. Так эта часть постепенно заселяется. Переход из мира в мир совершается не ногами и не крыльями, а изменением нашего сознания. Вы же знаете, что Будда был способен одновременно проповедовать людям и нагам. Если бы наги находились в горных пещерах или в реках, как бы Он мог делать это одновременно?

Восприятие людей более или менее схоже. Вообще, «бес», «ангел», «человек» – это всё достаточно условные названия. Бес, ангел и человек различаются друг от друга не толщиной своей шеи, не наличием или отсутствием светящейся кожи, а именно способностью воспринимать вещи. Эта способность первична. Материя тел вторична. Когда изменяется восприятие, существо становится способным изменить энергии, которые его питают. Нас всех питают энергии. Это подобно электричеству. Это вроде лампы, включённой в сеть. Как только энергии перестанут течь, лампа погаснет, а человек умрёт. Но дело в том, что изменив восприятие, мы постепенно можем заменить один вид электричества на другой, более тонкий. Когда мы делаем это, сама материя тела преобразуется. Реализация ваджрного тела некоторыми ламами относится именно к этим случаям. Я думаю, что Иисус тоже был способен к этому преобразованию материи тела. Иначе совершенно невозможно объяснить, каким образом Он мог ходить по воде. Так же сложно объяснить иным образом, как Он мог воскреснуть. Я думаю, что после Своего воскресения Он заменил более грубое электричество на более тонкое. Не думаю, что иначе Он мог бы выжить, получив раны, несовместимые с жизнью.

С этой точки зрения я могу понять, отчего вы называете Иисуса богом. Тот, кто способен воспринимать богов и общаться с ними, вполне может быть назван одним из них. Если ваша кошка станет разговаривать с вами, будете ли вы считать её человеком? Не знаю. Но если она наденет костюм и пойдёт на работу, чтобы зарабатывать деньги, никаких сомнений для вас уже не останется. С этой точки зрения и Будду вполне можно было бы назвать богом, ибо Он говорил с богами. Его можно считать бодхисаттвой, ибо Он говорил с ними. Или нагом, ибо Он проповедовал нагам. Просто, как вы видите, все эти обозначения достаточно условны.

Как и обозначение «человек». Я вижу некоторую несоразмерность в том, чтобы убийцу и святого называть одним словом «человек». Да,

это противоречит вашей идее демократии и всеобщего равенства. Но если приложить к этой идее методы прасанги, она станет попросту смешной. Ведь если люди равны в правах, то и животные тоже равны с людьми в правах? Кто это сказал вам, что человек лучше животного? На основе чего вы так решили? На основе шерсти? Но это такая же дискриминация животного, как дискриминация африканцев на основе цвета их кожи. Вы что, расисты? Или вы решили так на основе того, что животные не могут говорить? Но этим вы приравнивали немых и умственно отсталых к животным. В США вы могли бы сесть за это в тюрьму. Или на основе размера животных? Но, во-первых, есть животные ростом с человека, во-вторых, считая размер критерием, вы унижаете карликов. И так далее.

В действительности слово «люди» очень условно и обозначает огромное множество существ, которые очень отличаются друг от друга. Настолько, что некоторые из них живут в разных мирах, подобно бесам и ангелам. И эти миры почти не соприкасаются друг с другом.

Я имею в виду, во-первых, социальные миры.

Конечно, вы скажете мне, что я ошибаюсь. Вы скажете: «Это верно в отношении Азии, но у нас, в Европе, где царит демократия, между социальными слоями нет непроходимых границ». Да, отчасти вы правы. Даже бедняк может у вас рискнуть зайти в магазин для очень богатых людей, если, конечно, охрана его пропустит, и даже богач может завести любовницу из бедного квартала. И всё-таки эти миры почти изолированы друг от друга, даже на Западе. Вы возразите, что говорить про «миры» неверно. Ведь если человек не видит ангелов, то богач всё же видит бедняков своими собственными глазами. И всё-таки вы ошибаетесь. Он, как правило, их не видит. Он видит на их месте насекомых. Будьте честны и скажите правду. Вы, люди Запада, преуспели в создании легенд про то, как Золушка выходит замуж за принца. Фильмов про то, как миллионер женится на проститутке. Но неужели вы сами верите в эти фильмы и в эти сказки? Но правда ещё и в том, что бедняки смотрят на богачей тоже как на насекомых. Огромных и опасных, но сути дела это не меняет. Поверьте мне, это именно так и есть. Каждый социальный слой считает себя самым важным, самым достойным, самым «настоящим», а все остальные слои – неудачниками. И хорошо, если не подлецами. Точно так же,

как богачи презирают проститутку, проститутки презирают богачей. Точно так же, как вы смотрите сверху вниз на азиатов, мы, азиаты, смеёмся над вами. Разумеется, бедняк может при большом желании зайти в роскошный магазин, но больше половины и не станет туда заходить. Они презирают «потребление», они считают людей с толстым кошельком и их радости ничтожными. Когда они разбогатеют, они, возможно, изменят своё мнение, но сейчас это так и есть. Проститутка имеет физическую возможность пойти в библиотеку, в книжный магазин или в концертный зал, но она туда не пойдёт. Она считает книги «мусором», а интеллектуалов – бессильными слабаками. Потому что если она не будет считать так, её жизнь станет невыносимой. Состоятельные индусы или арабы иногда ездят в Европу. Но в Европе они общаются с партнёрами по бизнесу, которые понимают их язык, едят арабскую еду, слушают арабскую музыку, смотрят по телевизору арабский телеканал. Получается, что они никуда и не уезжали. Они остались в своём мире. Просто потому, что им противны европейская музыка, европейская еда, европейские ценности. Вот поэтому миры редко пересекаются. Да, обитатели их общаются между собой, но всё равно остаются каждый в своём мире. Европейец и индус, партнёры по бизнесу, жмут друг другу руки и улыбаются. Но в европейском мире нет индуса, его не существует как уникальной личности. Существует ленивый и невежественный гражданин отсталой страны с массой религиозных предрассудков и комплексов, с которым нельзя поговорить по душам. Точно так же в мире индуса европейца как уникальной личности не существует. Существует развязный, нескромный и недалёкий варвар, не имеющий никакой религии и никаких истинных ценностей. И, конечно, никто не воспринимает его всерьёз. Разумеется, я немного утрирую. Лучшие из вас не таковы. Как минимум, сидящие здесь не считают тибетцев отсталым, тёмным, неграмотным народом. По крайней мере, я на это надеюсь. Некоторые из западных людей способны увидеть лучшее в других нациях, понять то лучшее, восхититься им. Вы даже считаете, что большинство из вас к этому способны. Но в действительности могут это только немногие.

Случаи перехода из мира в мир имеются. Но, к сожалению, они не подобны случаю Будды. Будда, общаясь с богами, сохранял человеческий опыт, а общаясь с монахами, сохранял божественный. А люди просто мигрируют. Некто вдруг получает наследство и переселяется в мир богатых людей. Теперь он найдёт тысячу

объяснений для потребления, а своих бывших товарищей будет считать неполноценными. И это не лицемерие. Правда в том, что у всех людей есть недостатки и достоинства. Просто обитатели одного мира ясно видят чужие недостатки и плохо – свои собственные. Глаза внезапно разбогатевшего человека раскрываются на недостатки бедняков. Глаза внезапно обедневшего человека раскрываются на недостатки богачей. Глаза буддиста ясно видят недостатки христиан. Глаза христианина ясно видят недостатки буддистов.

Есть несколько причин, по которым социальные миры соприкасаются всё меньше.

Первая – это средства массовой коммуникации. Интернет. Социальные сети. Раньше один музыкант шёл к другому в гости, но по пути видел других людей. Сейчас социальные сети позволяют других людей не видеть. Они позволяют обособиться в мире себе подобных.

Вторая, ещё более важная – эта европейская идея толерантности, терпимости.

«Терпимость» происходит от глагола «терпеть». Идея толерантности заключается в том, чтобы «терпеть» другого человека. Чтобы просто позволить ему быть. Толерантность – это не любовь к другому. И не ненависть. Это просто равнодушие. Ничто не разделяет людей больше равнодушия.

Видите ли, имеются три корня зла. Влечение, гнев и невежество. Влечение рождается из любви, гнев – из ненависти. А равнодушие – из невежества. И если вы меня спросите, какой корень зла наиболее опасен, я отвечу: равнодушие, конечно.

Даже ненависть позволяет мирам соприкасаться. Вы, европейцы, не всегда были «толерантными». Когда-то вы сжигали ведьм и еретиков. Вели религиозные войны. Да, это был ужасный, мрачный период истории. Но войну нельзя вести на расстоянии. С врагом непременно соприкасаешься. Чтобы сражаться с сильным врагом, мы обязаны изучать этого врага. Обязаны знать его как следует, если не хотим проиграть. А через изучение мы непременно узнаем не только недостатки, но и достоинства нашего врага. Мы можем начать уважать его. На бхавачакре часто не рисуют границы между областью

дэва и областью асуров. А почему? Потому что дэвы и асуры сражаются друг с другом. Сам Будда узнал очень многое о демонической природе, когда сражался против полчищ Мары. Одна из джатак гласит, что в одном из далёких прошлых рождений сам Будда был Ямой, царём ада. Не рассказывайте этого никому больше. Такие вещи европейцам вообще нельзя рассказывать. Иначе они немедленно обвинят нашу религию в сатанизме.

Вы скажете, что идея толерантности тоже предполагает уважение к партнёру. Может быть, она и «предполагает» такое уважение. Но что толку предполагать, когда в реальности уважения нет? Уважение не может родиться без настоящего понимания. А понимание не рождается без сострадания.

Говорят, что толерантность – буддийская идея, что Будда проповедовал терпимость. Ничего подобного. Будда проповедовал сострадание. Я не думаю, что из простой терпимости, из простой вежливости Он согласился бы прийти на обед к куртизанке. Чтобы религиозный лидер пришёл на обед к гетере – это выходит за рамки толерантности. Тому, кто просто терпит, достаточно сказать несколько вежливых слов и улыбнуться фальшивой улыбкой, так, как вы это делаете. А Будда был движим состраданием. Как и в случае, когда разрешил женщинам вступать в монашескую общину, хотя знал, насколько это опасно для религии. И даже когда покинул свой дом и близких, ведь для этих близких Он искал лекарство от всех страданий. И вообще всё время Своей жизни.

Точно так же и Иисус, учитель Запада, не проповедовал толерантность. И сам Он не был толерантен. Уж явно не в тот момент, когда выгонял торговцев из храма. Хотя именно этот поступок, возможно, и привёл Его к распятию, ведь даже бодхисаттвы подчиняются закону кармы. При этом я отнюдь не хочу сказать, что Иисус поступил дурно или ошибся. Он сделал свой выбор. А вы, подобно детям, верите, что закон кармы целиком и полностью происходит от Бога, что он абсолютно благ и справедлив. С какой стати ему быть справедливым, если именно карма привела к убийству Иисуса и тяжёлому ранению Будды? Кому от этого стало лучше? Справедливости в этом законе не больше, чем в бульдозере.

Вообще, толерантность – неестественная, извращённая идея. Мне сложно понять, как может живой человек остаться равнодушным к чему-то. Мы не можем не любить добро. Мы не можем не ненавидеть зло. Как сказано в «Ламриме» Дже Цонкапы, эта ненависть – единственная, которая является благом. Зло мы должны ненавидеть и с ним сражаться, но при этом не превращать ненависть ко злу в ненависть к человеку, который им отравлен. Или, по-вашему, мы должны просто «терпеть» зло? Просто позволить ему быть? Что ж, позволяйте, если это соответствует вашей идее демократии. Но Освобождения таким путём вы точно не достигнете. Придётся выбирать между демократией и Нирваной. Увы, к вашему сожалению, Срединный Путь очень недемократичен. Отчего бы вам не обвинить Будду и Иисуса в нарушении прав человека? Пройдёт ещё несколько десятков лет, и люди Запада это сделают.

Как сказано, толерантность ведёт к равнодушию и обособлению миров друг от друга. «Пусть они живут как хотят, – думает теперь каждый. – Мне всё равно». Но не только социальные миры существуют. И не только национальные. И не только религиозные.

Человек ведь живёт не только среди вещей, но и среди мыслей. До сих пор имеются люди, которые читают древних поэтов. Они живут в их мире. Есть люди, которые слушают прекрасную европейскую музыку девятнадцатого века. Они тоже живут в своём особом мире. На самом деле ни двадцатый, ни девятнадцатый, ни даже восемнадцатый век с их мирами ещё не закончились. Они существуют параллельно нашему веку. На одной и той же земле живут убийцы и святые, торговцы и монахи, программисты, инквизиторы, рыцари и древние римляне. Живут ангелы и бесы. Живут те, кто находится в аду, и те, кто в раю. Одна и та же страна, один и тот же город, один и тот же дом для одного человека будет адом, а для другого раем, в зависимости от их восприятия.

Заодно уж скажу про рай и ад, в который вы не верите. Разумеется, сознание не прекращает быть после смерти. И, разумеется, единый мир после смерти не меняется. Наше сознание изменяется. Если всю жизнь мы страдали от пяти ядов, мы будем способны воспринимать в этом мире только зло. Так же, как собаки, которые не видят цветов радуги. Не будет большим преувеличением сказать, что рай и ад могут существовать в одном и том же месте. Уж если они могут быть в

одном и том же доме при жизни человека, то почему не после смерти? Но если вы думаете, что описания адов – это легенды, вы глубоко ошибаетесь. В воде имеется природа крови, как и нектара. А в воздухе одновременно есть природа бесконечного жара и холода, который способен доставить невыносимые страдания. Вы замечаете, что когда вам стыдно, вам становится жарко? А ведь температура воздуха не меняется. Примерно то же самое происходит после смерти, когда сознанию становится жарко или холодно от стыда. И эти ощущения гораздо острее. При жизни нас защищал панцирь нашего тела, его грубые ощущения заглушали более тонкие импульсы. После смерти импульсов от тела больше нет, и слабое сознание становится беззащитным.

И все эти существа, которых условно и неточно называют «людьми», при жизни ничуть, ничуть не интересуются соседними мирами! Хотя перейти в них совсем не так сложно, как в чистую землю Будды Амитабхи. Достаточно просто пойти в библиотеку. Или в монастырь. Или в буддийский институт.

Понимаете, существует эгоизм страдания и эгоизм счастья. Страдающий человек презирает счастливых и не считает их достойными внимания. Счастливцев совершенно не думает о чужом страдании. И существует совершенно ложная идея Освобождения как перехода из одного мира в другой. Это абсолютно не так. Освобождения ни в одном из обособленных миров быть не может просто потому, что восприятие его обитателей ограничено. Не будь оно ограничено, они видели бы жителей и других миров, они видели бы всю Вселенную. Ограниченное существо не может быть полностью счастливым, а, значит, свободным. Пребывание в каждом из миров есть сансара. Бесконечный переход из одного мира в другой – это тоже сансара.

Будда не ограничивал себя социальным миром монашества, который создал сам. Вот, кстати, ответ на вопрос, может ли одно существо создать мир. Конечно, может: Будда ведь создал целый мир монашеской культуры, который до сих пор населяют многие люди. В этот мир входят целые страны. Южные буддисты ни о чём, кроме этого мира, и слышать не хотят. Будда создал мир, но не замкнулся в нём. Он общался с царями и с шудрами. Со святыми и с убийцами. Вспомните разбойника Ангулималу. С индуистами, джайнистами и

идолопоклонниками. С аскетами, с проститутками. Вспомните гетеру Амбапали. Каждый Ему был интересен. А отчего, как вы думаете? Оттого, что Он не разделял мир людей на части. Не считал одну часть непременно лучше другой. Проще говоря, не делал так, как делает огромное большинство людей. Он, Будда, видел мир людей целостным. Он не ограничивал восприятие людей только одной идеей. Не смотрел на людей только как лама, или только как монах, или только как врач. Один буддийский монах, увидев женщину, после этого хвастался, что видел только бесполой скелет. Этот монах даже и не подозревал, что Будда отнюдь не воспринимал людей только как скелеты. Понимаете, скелету сложно сострадать. А Будда сострадал всем существам, вне всяких сомнений.

И это восприятие Он переносил на окружающий мир, который тоже не делил. Оттого Его слышали двуногие и четвероногие. Слышали демоны и бодхисаттвы, наги и божества. Оттого Он пребывал в каждом из миров. Был одновременно человеком, божеством и демоном, да, даже демоном. Ведь если бы Будда не стал демоном хоть на миг, Он бы не сумел победить бесов. Оттого Он видел мир единым, а не разделённым на миры, как ветчину на ломти. Именно это единство мира и называется Освобождением, Нирваной.

Освобождение – высочайшая цель, которую только может поставить перед собой человек. Но чтобы достичь Освобождения, нужно следовать путём Будды. А это означает видеть мир целостным.

И начать можно с миров людей. Достаточно перестать думать про свою профессию как про самую лучшую, а понять, что есть множество профессий сложнее и важнее нашей. Достаточно христианам перестать считать себя исключительными, заглянуть в мир буддистов и, глядя из этого мира, увидеть свои недостатки. Достаточно буддистам сделать то же самое в отношении христиан. Достаточно европейцам отказаться от идеи, что они – лучшие люди на Земле, и взглянуть на свою манеру есть, разговаривать, радоваться или горевать с азиатской точки зрения. И азиатам тоже не повредит посмотреть на себя глазами европейца. Достаточно прочитать авторов, которых вы никогда не читали, послушать музыку, которую вы никогда не слушали, для того чтобы понять, почему эти авторы или эта музыка приносит радость другим людям. Достаточно заменить беспомощную идею «терпимости» идеей искреннего понимания и

сочувствия. Неужели этого достаточно для обретения Нирваны? Разумеется, нет. Но это уже очень много. Возможно, мы не достигнем Освобождения сразу после того, как послушаем симфонию Бетховена или прочитаем Сутру сердца Праджня Парамиты. Но если мы будем считать, что ни Бетховен, ни Праджня Парамита для Освобождения не нужны, мы его точно не достигнем. Ведь мир, в реальности, един. Разделяет его на сансару и нирвану, на бедных и богатых, на Европу и Азию, на христианство и буддизм, на рай и ад только наше восприятие. Разделять его означает поработать себя.

Женщины

Мне часто говорят: женщины должны взять всё в свои руки. Женщина может всё без мужчины. Настоящих мужчин больше нет. Будущая эпоха – эпоха женщины. И так далее.

Эти рассуждения отчасти верны, отчасти нет. Если верить им, если воспринимать их буквально, получается, что когда-то существовали «настоящие мужчины», после они «вымерли», и вот теперь несчастные женщины вынуждены брать всё в свои руки.

Но эти рассуждения наивны. Прежде всего, мужчины и женщины – это не два отдельных биологических вида. Мужские и женские тела одушевляют одни сознания. Я имею в виду то, что сознания, бывшие в мужском теле, могут воплотиться в женском, и наоборот. Впрочем, чаще этого не происходит. Более того, люди перевоплощаются. Это значит, что теперешние мужчины когда-то уже были мужчинами: в средние века, в древности. Отчего же они «выродились», если тогда с их мужественностью было всё нормально?

Ответ, на самом деле, прост. Мужчины в настоящий момент поставлены в неравные условия по сравнению с женщинами.

Ваша западная культура в настоящее время является культурой потребления. Если быть точнее, культурой желания или наслаждения. Есть и другие культуры: культура гнева, культура мысли. Восточные культуры по преимуществу являются культурами мысли, которая уравнивает наслаждение и желание. Западная культура всегда склонялась к одной из двух крайностей.

Для культуры гнева характерно, что гнев оправдан и разрешён, а наслаждение объявлено злом. Ваша средневековая культура была культурой гнева. Ваши инквизиторы сожгли целую толпу женщин просто за то, что те хотели испытывать наслаждения.

Для культуры наслаждения характерна противоположная ситуация. Гнев объявлен вне закона. Он – что-то позорное, постыдное. А наслаждение оправдано. Смотрите: это как раз и есть положение дел в западных странах. Сейчас даже за убийство животного вы можете сесть в тюрьму. Но если вы хотите завести десяток любовников, никто

вам слова не скажет. Пять веков назад ситуация была прямо противоположной. Тогда пара-тройка убийств только принесла бы вам славу и уважение, особенно если бы вы сумели доказать, что убитые были колдунами, ведьмами, еретиками, язычниками или прочими злодеями. Но если бы вы рискнули завести десяток любовниц, вас самую потащили бы на костёр.

Гнев является грязной частью элемента огня, чистой частью которого является воля. Вожделение – грязной частью элемента воды, чистая часть которого – сострадание. Огонь – мужская стихия. Вода – женская.

В культуре гнева мужчины имеют огромное преимущество перед женщинами. В культуре желания всё наоборот. Мужчина никогда не будет в наслаждении так же успешен, как женщина. Он по-другому устроен. Но общество ограничивает его гнев и вынуждает его быть чувственным. Без этого он не будет успешен ни в духовной сфере, ни в социальной, ни в материальной. Если мужчина – писатель, он должен создавать тексты, проникнутые наслаждением. Если он в своей профессии взаимодействует с другими людьми, он должен общаться с ними так, чтобы они получали от этого удовольствие. Даже если он строитель, от него требуется уже не столько физическая сила, а способность идти навстречу пожеланиям и вкусам клиента. Мужчина по определению умеет это хуже женщины. В результате половина мужчин всё же не сдаётся, но становится женоподобными. А женщины смотрят на них с презрением и предпочитают им настоящих женщин. Так появляется лесбийская любовь. Другая половина мужчин чувствует свою неполноценность и вообще отказывается от социального успеха. Эту половину женщины рассматривают как неудачников и начинают рассуждать о том, что «настоящие мужчины вымерли». И только горстка мужчин избирает для себя профессии, где их гнев всё ещё востребован. Профессии военных, полицейских, спасателей. Этих профессий в культуре желания мало, мужчин, занимающих эти должности – наперечёт, и вот они ещё пользуются у женщин успехом. Что ж, маятник весов просто качнулся в другую сторону. Западные женщины почти тысячу лет были в рабстве, теперь они торжествуют.

Я очень сочувствую мужчинам Запада, но, честно говоря, не знаю, что им посоветовать. Может быть, им нужно просто оставаться

мужчинами, вопреки культуре желания, и не поддаваться на провокации. Например, ограничить удовольствия, отказаться от потребления. Воспитывать в себе больше мужество, чем сострадательность, точнее, сентиментальность, которую вы ошибочно считаете состраданием. Но это сложно. Сложно идти против течения.

И всё же сегодня мы говорим о женщинах. Ведь сидящие здесь женщины – это не просто охотницы за наслаждениями. Это верующие буддистки. По крайней мере, они претендуют на то, чтобы быть таковыми. И они наверняка спросят меня: что же делать им? Ведь буддизм – это, в большей мере, мужская религия. Она тысячелетиями поддерживалась, и даже сейчас поддерживается в основном мужским сообществом. Для мужчин она удобна. А что же делать женщинам? Становиться «как бы мужчинами», только неполноценными – явно не лучший выход.

Однако ответы есть. И они даны уже давно. Они даны самим Буддой.

Есть как минимум четыре значимых женщины, которых Татхагата знал лично. Я назову их в порядке возрастания их важности.

Первая – это куртизанка Амбапали.

Вторая – это родная тётя Будды Махапраджапати Готами.

Третья – Его жена Яшодхара.

Четвёртая – Его мать, царица Майя.

Начнём с куртизанки. Между проституткой и гетерой нельзя поставить знак равенства. Проститутка – это женщина, которая за деньги спит с любым человеком, приятен он ей или нет. Гетера – это, скорее, содержанка. Она имеет одного или нескольких постоянных любовников, которых выбирает сама, так же, как сама и расстаётся с ними. Она получает от них деньги, но взамен дарит им любовь. Любовь, а не только удовольствия. Именно поэтому гетеры были очень зажиточными женщинами. Настолько, что Амбапали была способна пригласить на обед целую монашескую сангху, что в основном делали только цари.

И здесь обратите внимание на то, что Будда принял приглашение. Будда был человеком высочайшей святости, и едва ли стал бы принимать приглашение человека, которого считал бы порочным. Ведь это общение могло бы повредить сангхе. Он был сострадателен, а не толерантен. Значит, Он не считал гетеру Амбапали дурным человеком.

Если мы задумаемся над образом жизни гетеры, мы поймём, что это именно и есть образ жизни большинства современных женщин Запада. Судите сами: гетера сама выбирает своих мужчин. Иногда нескольких: то, что для современной женщины считается в порядке вещей. Сама оставляет их. Живёт самостоятельной жизнью. Общается, с кем она хочет. Итак, буддизм принимает образ жизни современных женщин Запада, хотя и считает его для женщин не самым лучшим, ведь всё-таки никто не сравнивает Амбапали с тётей Будды. Буддизм оправдывает этот образ жизни, с важной оговоркой: иногда эти женщины должны совершать значительные и бескорыстные поступки. Например, приглашать сангху на обед. Или жертвовать крупную сумму денег на детей, больных раком. Такое поведение будет буддийским.

Более высокий образец женщины – Махапраджапати Готами, первая буддийская монахиня. Как вы знаете, Будда долгое время не давал Своего согласия на создание женской сангхи. И это верно: женщины не должны копировать мужчин, как и мужчины не должны копировать женщин. И всё же, в итоге, Он Своё согласие дал, а Будда не бросал слов на ветер. И значит, такой образец женского поведения тоже существует.

При создании женской сангхи Будда создал для монахинь Восемь правил, которые накладывают на них, по сравнению с монахами, дополнительные обязательства. Это дало основания говорить, что женщина в монашестве потенциально менее успешна, чем мужчина. Если вы меня просите, так ли это, я отвечаю: разумеется, так. И дело здесь, конечно, не в «греховности» женщины, и не в месячных циклах, и не в других похожих объяснениях, которые предлагает вам ваше христианское сознание. Просто монашеская культура – это культура воли. Ведь отречение от мира и соблюдение обетов требует воли. В известном смысле, это культура гнева, ведь монах должен быть зол на свои недостатки. Зол на них, а не толерантен к ним: идея

толерантности для монашества точно не подходит. В культуре гнева женщина всегда будет менее успешна, так же, как мужчина всегда менее успешен в культуре желания. Поэтому Будда долго отказывался создать женскую сангху не из пренебрежения к женщинам, а из сострадания к ним. Он не хотел, чтобы монахини предвосхитили судьбу современных мужчин, которым ради успеха приходится быть женоподобными.

И всё-таки существуют мужчины-продавцы и мужчины-дизайнеры, так почему бы не быть женщинам-монахиням? Некоторые женщины добились выдающихся духовных достижений. Разве должны мы пренебрежительно относиться к этим достижениям только на основе пола практикующих? Победителей не судят.

Возможно, вы спросите меня: если монашество для женщины не очень подходит, то почему Будда не создал для женщин какую-то другую, альтернативную организацию? Очень просто: Будда сам был мужчиной. Он не мог стать во главе женской организации именно потому, что сам был мужчиной. Иначе начались бы пересуды, и клеветники обвинили бы Его в чувственных удовольствиях. Клеветники и без того не дремали. Лишнее доказательство того, что клеветникам никогда нельзя верить. Для создания женской организации Будде потребовалось бы воплотиться в женском теле. Но тогда Он не смог бы стать достаточно авторитетным для духовной проповеди. Он даже не смог бы получить необходимые знания у своих первых учителей – Арады Каламы и Удраки Рамапутры, – потому что эти учителя были аскетами, а их общины – целиком мужскими.

Когда говорят, ссылаясь на «Ламрим» Дже Цонкапы, что монаху гораздо легче достичь Пробуждения, чем мирянину, нужно сделать важную оговорку: это верно в отношении мужчин. «Ламрим» был написан для мужчин. Большинство женщин в то время даже не умели читать. Если же вы спросите меня: «Кому легче достичь Пробуждения: монахине или мирянке?», я отвечу вам: я не знаю. Честное слово, не знаю. Я ведь не женщина. Я думаю, что для женщины возможности примерно одинаковы. Вред монашества для её пола компенсируется пользой монашества вообще. Но это моё личное мнение.

Ещё более высокий образец буддийской женщины – это жена Будды, царица Яшодхара. Если вы спросите меня, как она вела себя, я вам отвечу: как женщина. Как традиционная женщина, не как гетера. Она была хорошей матерью и превосходной женой, иначе бы не заслужила от Будды многих похвал. А что значило для неё быть превосходной женой? Верить в мужа. Следовать за ним. Не всегда следовать в буквальном смысле слова. Но тексты говорят, что Яшодхара, как только узнала, что Будда обрил голову, сама обрила себе голову. Как только узнала, что Он начал поститься, сама приняла строгий пост. И так далее. Без сомнения, в царском дворце ей очень нелегко было это делать. Все были против, а её никто не поддерживал. Вы скажете: религия. Но и религия не поддерживала её. Мы сейчас знаем, кем был Будда, но ведь она этого не знала. До неё доходили противоречивые слухи. Одни слухи говорили, что её муж достиг святости, другие – что Он стал сумасшедшим. Тем не менее, она верила Ему. Она Ему подражала. Она сама является превосходным примером для подражания для всех буддийских женщин. Вы возразите: между этим идеалом женщины-жены и индуистским идеалом нет никакой разницы. Вы ошибаетесь: разница есть. Индийская женщина любит, не задумываясь. Её выдают замуж без её согласия. Её мнения не спрашивают. Яшодхара могла выбрать сама. Многие добивались её руки. Претенденты даже соревновались между собой, например, в стрельбе из лука. Она же выбрала того, кто затем стал Буддой. И, выбрав, она уже не сожалела о выборе и не колебалась. Именно так и должна поступать женщина-буддистка: осознанно подойти к выбору своего мужа. Выбирать на всю жизнь. И, выбрав, уже не сожалеть. Именно так, если, конечно, она не хочет быть гетерой. Или уходить в монастырь. Обе эти возможности тоже не закрыты. Более того, это вовсе не постыдные, а вполне достойные возможности. И всё же принцесса Яшодхара упоминается в каноне чаще, чем куртизанка Амбапали. Хотя и куртизанка удостоилась упоминания.

Амбапали, Праджапати, Яшодхара – это всё хорошие женщины. И всё же есть в хронике жизни Будды женщина, ещё более достойная уважения. Немеркнущий образец для всех женщин-буддисток. Это – Его мать.

Царица Майя, как и царица Яшодхара, была хорошей женой. Но не только. Майя – женщина-героиня. Однажды ночью ей приснился белый слон, который благовествовал ей, что она родит удивительного

человека. Так гласит легенда. Я не считаю, что эта легенда лжива. Просто любая легенда немного упрощает действительность. Возможно, этих ночей было не одна, а несколько. Возможно, в течение этих ночей царица беседовала с Тем, кто должен был родиться, или с иными буддами и бодхисаттвами. Подвиг не совершается против воли человека. Вот поэтому я убеждён в том, что царица Майя имела возможность отказаться. И ничего бы особенно страшного не случилось. Цариц много, а Будда один. И она имела все основания отказаться. Ведь ей сказали, что она родит святого человека. Понятия «Будда», как мы его знаем сейчас, в индийской культуре не существовало, а святых в Индии так много, что они никого не удивляют. И за рождение святого она будет должна заплатить скорой смертью. При этом царица не знала, правда ли – то, что ей сказали, или некие могущественные демоны обманули её. Она ведь нянчила ребёнка только семь дней и не видела Его возрастания, она не могла знать с достоверностью, кого родила. Итак, она имела все разумные основания отказаться от рождения этого ребёнка. Но она согласилась. Согласилась дать рождение чему-то большему, чем она, чему-то, никогда не бывшему, чего она в полной мере осознать никогда не сможет. Это и есть тот высший подвиг, который может совершить женщина.

Совсем не обязательно этот подвиг – рождение будущего святого. Принципиальное значение имеет не святость, а новизна. Есть много женщин, которые стали создательницами чего-то нового. Кстати, ведь Праджапати Готами тоже совершила этот подвиг. Она стала первой женщиной-монахиней. Когда-то жила и другая женщина, которая стала первой женщиной-ламой. До неё из женщин никто не становился ламой. Мнения о том, кто был первой женщиной-ламой, расходятся. Возможно, ими стали две жёны царя Сроцангамбо, воплощения Белой и Зелёной Тары. Но, кто бы ни был первым, эта женщина боялась неудачи: до неё никто не делал так, все осуждали её начинание. И всё же она решилась. Была и женщина, создавшая первую школу, в которой обучение строилось на интуиции, не на логике. Кто-то рассказывал мне про эту женщину, но я, к сожалению, забыл её имя. Только не говорите мне про первую женщину, покорившую Северный полюс. Я не вижу никакого смысла в покорении Северного полюса. Кроме того, мужчина тоже прекрасно мог бы с этим справиться. Но мужчина не смог бы стать матерью Будде. Не смог бы стать первой женщиной-ламой. Между женщиной-

ламой и женщиной-ламой есть большая разница: женщина охотней поверит последней. Я ведь уже рассказал вам, отчего даже Будда не смог создать женское религиозное сообщество. Мужчина не смог бы, вероятно, создать школу, обучение в которой строится на интуиции, ведь мужчина мыслит скорее логически, чем интуитивно. Наконец, он не смог бы пробудить народный дух так, чтобы в средние века все французы решились бы защищать свою страну от захватчиков в почти проигранной войне. Не смог бы просто потому, что мужчина-солдат не вызывает сочувствия, его не хочется защищать. Все эти случаи объединяет новизна. Ужас перед ещё не бывшим. Величина нового. Не так страшно умирать на войне. Быть первой женщиной-солдатом гораздо страшней. Возможно, и сейчас где-то есть женщины, в сознание которых, как белый слон с шестью бивнями, вторгаются новые, огромные идеи, которые не смогут воплотить мужчины. Образы, которые ждут и требуют воплощения. Откровения, которые они сами до конца не понимают. Идеи, которые боязно впускать в жизнь. Где-то может жить новая царица Майя. Или, если она ещё не живёт, она может появиться.

Итак, сострадательная гетера. Монахиня. Верная жена. Героиня. Вот четыре образа буддийской женщины. Каждый последующий совершенней предыдущего. Но, если верные жёны одинаковы в верности, возможности для подвига различны. Как узнать подходящую? Доверять своей интуиции. Женщина имеет такую возможность. Её интуиция сильнее мужской.

Возрасты

Мы с вами различны. Под «мы» я имею в виду азиатов и европейцев. Одна из самых значительных неправд вашей европейской демократии заключается в том, что все люди будто бы одинаковы. Что есть какие-то универсальные стандарты или формы жизни, которые являются безусловным благом. Конечно, это не так. Нет таких форм жизни. Даже религия, какой бы возвышенной она ни была, не может быть безусловным благом для всех людей в этом мире. Что уж говорить о стандартах или формах правления! Демократия не является ни единственно возможным режимом, ни самым лучшим. Но я сейчас говорю не о демократии.

Понимаете, о проблемах и различиях можно не говорить. Можно притвориться, что их нет. Можно притвориться, например, что мусульмане похожи на вас, христиан. И, значит, то, что хорошо для вас, для них тоже будет замечательным. Можно постараться навязать им, мусульманам, ваш европейский образ жизни. Например, тем, что вы запретите парижским женщинам-мусульманкам носить паранджу, потому что вам кажется, что паранджа унижает достоинство женщины. Но почему вы не хотите позволить этим женщинам самим решать, унижает это или нет их достоинство? Спор о парандже – это спор между религией и светской идеологией. Я всегда считал религию чем-то более высоким, чем политика. И будьте же последовательны. Почему вам не кажется, что наголо бритая голова унижает достоинство мужчины? А если это так, значит, нужно штрафовать буддийских монахов, которые смеют ходить по европейским улицам с бритой головой. Возможно, вы ещё придёте к этому. Впрочем, я скажу вам, почему вы спокойно относитесь к буддийским монахам. Потому что они – мужчины. А для вас очень важна сексуальная жизнь. Как, впрочем, и для всех наций, но именно вы считаете сексуальность абсолютным благом. Вы ищете каждую возможность для её развития. Если бы большинство наших лам были женщинами, я думаю, вы уже приняли бы закон, который бы запрещал буддийским монахиням брить голову наголо и носить традиционное монашеское платье.

Вы скажете мне, что монах совершает свой выбор добровольно, а у женщины-мусульманки такого выбора нет. Но это неправда. Ведь она может отказаться от своей религии, стать одной из вас! Точно так же каждый из вас может стать мусульманином. Или буддистом. Я

каждый раз говорю «вас», потому что большинство из вас, становясь буддистами, хотят сохранить свои европейские заблуждения. Вы хотите причесать буддизм на удобный вам, европейский манер, как вы уже причесали христианство. Вы хотите иметь «карманный» буддизм, который не мешал бы вам верить в неправды, на которых построено ваше общество. Боюсь, что у вас не получится этого сделать. Буддизм – это религия истины.

Кроме того, вы возразите, что монах имеет право носить любое платье как профессиональный служитель культа. А мусульманские женщины не являются служительницами культа. И это тоже одна из ваших серьёзных ошибок. Вы, европейцы, всегда проводили чёткую границу между мирянами и церковнослужителями. Но почему вы решили, что другие народы тоже должны это делать именно так? Нам, тибетцам, сложно представить человека вообще вне религии. Такой человек – или сумасшедший, или жулик, или коммунист. Впрочем, коммунизм – это тоже религия. Ограничивать религию пятью процентами населения – скверно. Этим вы не даёте остальным девяноста пяти процентам никаких шансов на нравственное усовершенствование. И отказываетесь от мысли, что ваше общество когда-либо будет преобразено в духе добра и справедливости. Поскольку человеку, который равнодушен к Истине, к Дхарме, к благу живых, неинтересно преобразовывать мир в духе добра и справедливости. Ему интересно делать деньги. Вы приняли правила игры, согласно которым пять процентов занимаются религией, не вмешиваются в жизнь остальных и освобождают этих остальных от ответственности за духовную жизнь. Ваше право совершать эту ошибку. Но отчего же вы, христиане, решили за мусульман, кто из них имеет право на религиозные отличия, а кто нет? И ваше право не позволять другим нациям в Европе исповедовать свои веры. Но тогда не нужно говорить, что вы даёте право каждому меньшинству быть самобытным. Иначе получается, что гомосексуалисты имеют право на эту самобытность, а верующие такого права не имеют.

Я не закрываю глаза на другие проблемы. Я знаю, что мусульмане причиняют вам много неудобств. Именно арабские подростки жгли автомобили парижан. Что же, тогда выдворите их из вашей страны. Это будет честней и справедливей. Но вы не можете сделать этого, поскольку поклоняетесь своему полубогу, Демократии, и этот бог запрещает вам «дискриминацию». Впрочем, он не запрещает вам

спокойно смотреть на дискриминацию других народов. Выслать из Парижа арабов, которые живут во Франции десять или пятнадцать лет, – для вас это дискриминация и нарушение прав человека. А позволять китайским властям убивать тибетцев, которые жили в Тибете испокон веку, позволять Китаю запрещать им говорить на родном языке – для вас это внутренние проблемы Китая. Впрочем, если бы Китай был в сто раз меньше и в сто раз слабей, вы гораздо активней боролись бы за права тибетцев. Нечто, что вы называете политическим прагматизмом.

Но я сейчас говорю не о демократии и не о лицемерии в политике. Я говорю о том, что гораздо полезней называть проблемы, чем замалчивать их. Обозначив проблему, мы имеем шанс найти решение. Замолчав, мы никогда не найдём его. Называние проблем не обозначает мою неприязнь. Я отношусь к Европе с симпатией. Я больше двадцати лет прожил здесь. Именно моя симпатия и позволяет мне говорить о европейских недостатках. Если бы я был равнодушен к вам, я бы лицемерно улыбался и говорил, что на Западе всё замечательно.

Я хочу рассказать о возрастах человека. Я не буду говорить о том, какими глазами вы смотрите на нас. Вы и сами это знаете. Для вас большинство из нас являются «отсталым народом». Боюсь, что обратное тоже верно. Вы и не догадывались об этом, правда? А знаете, почему? Потому, что мы более дружелюбны. Да, мы более дружелюбны и тактичны, представьте себе! Когда тибетец приезжает в Германию и начинает есть руками, каждый второй сочтёт своим долгом сказать ему: «Эй, ты, у нас так не делают!» И хорошо, если не добавит: «Откуда ты вообще взялся, чучело?» Хотя, казалось бы, чем человек, который ест руками, мешает окружающим? А когда пьяный немецкий турист стучит кулаком по стойке администрации в гостинице где-нибудь в Таиланде, девушка за стойкой дружелюбно улыбается ему. Она же буддистка, всё-таки. Хотя пьяный турист уже по-настоящему мешает ей и другим постояльцам своими криками. Скорее всего, про себя она думает: «Вот свинья!» Но вслух она этого не скажет. Это невежливо. А вы же, как правило, после тридцати минут знакомства с человеком сразу начинаете говорить, что у вас на уме. Если, конечно, вы не зависите от этого человека и не хотите использовать его. Вы гордитесь этим. Как минимум, немцы и американцы точно делают так. Французы и англичане более вежливы.

До известной границы. И поэтому вам кажется, что тайская девушка за стойкой восхищается вами, ведь иначе зачем ей улыбаться? Бог мой, да с какой стати она будет вами восхищаться?! Это просто воспитание, это культура, потому что нам кажется, что худой мир лучше доброй ссоры. Она не хочет причинять вам лишних страданий своим сердитым лицом, она сострадает вам. А вы принимаете её сострадание за восхищение. Бóльшей ошибки вы не могли сделать.

Я предлагаю вам взглянуть на возрасты среднего европейца глазами человека Азии.

Будем считать первые двенадцать лет жизни детством. Хотя мы, тибетцы, не считаем так. Его Святейшество Далай-лама уже в семь лет может сделать политическое заявление. А обычный крестьянский ребёнок в Тибете, как только он способен говорить, начинает помогать своему отцу. Никаких скидок на его «нежный возраст» не делается. Вы же считаете, что до двенадцати лет ребёнок вообще не должен знать «тяжести жизни», вообще не должен трудиться. Исключая школу, конечно. Но я не могу считать настоящим трудом такой труд, который человеку ненавистен. Потому, что такой труд человек никогда не будет совершать с настоящим усердием. Конечно, если набивать голову ребёнка словами, словами, словами, за которыми не стоит ничего, если не позволять ему узнавать вещи, он возненавидит обучение. И труд вместе с ним. Так вы сами роете себе яму.

Но я даже не про обучение говорю. Уже в семь лет человек может принять решение. Он может быть посвящён в монахи. Но вы внушаете ребёнку, уже достигшему возраста принятия решений, мысль о том, что ещё будет время когда-нибудь потрудиться и пожить настоящей жизнью. Эта мысль очень опасна. Ведь он так и будет думать полжизни.

Но есть ещё две вещи, которые приносят детям большой вред.

Во-первых, это борьба с их застенчивостью, робостью, скромностью. Вы считаете эти качества пороком. Вы приучаете детей быть откровенными. Как можно раньше спорить. Как можно раньше высказывать своё мнение. Всё подвергать сомнению. Ни во что не верить. Никого не уважать. Позже мы увидим, к чему это приводит.

Во-вторых, это поощрение детской сексуальности.

Разумеется, вы скажете, что вы не поощряете детскую сексуальность. Вы не делаете этого в школе, спасибо и на этом. Но вы позволяете это делать. За вас это делают журналы для подростков, Интернет, телевидение. Я помню сцену из одного французского фильма. В школу приходит отец девочки. Девочке семь или восемь лет. Подруги этой девочки смотрят на мужчину и перешёптываются между собой: «Какой он сексуальный!» Я ничего не придумал. Как это вообще вошло в их головы? Сцена, невыносимая в Китае, в Индии, в Таиланде. Невыносимая потому, с вашей точки зрения, что мы – отсталый, тёмный народ, который не разрешает детям высказывать своё мнение. Но будьте последовательны и здесь. Если восьмилетняя девочка может оценивать сексуальность взрослого мужчины, то отчего бы ей не лечь с ним в постель, если она сама этого хочет? Нет-нет, протестуете вы: она же ещё ребёнок! Не будьте наивны. Принц Рахула в семь лет стал монахом. Его Святейшество Далай-лама XIV в подростковом возрасте встречался с китайскими генералами и защищал перед ними честь своей страны. Извините мою грубость, но я не думаю, что делать детей сложнее, чем защищать честь своей страны.

Но я продолжаю. В возрасте тринадцати или четырнадцати лет происходит половое созревание. С этого момента ребёнок становится юношей или девушкой. Для юности во всём мере характерны некоторые черты. Одна из этих черт – это вера в идеалы. Другая – это чрезмерно строгие требования, которые юноша или девушка предъявляет к окружающим людям. Третья – стремление к наслаждению.

Но с идеалами всё обстоит сложно. Идеалов вы им не оставили. Почему? Ну как же: не оставили вашим воспитанием. Вы учили детей ни во что не верить, во всём сомневаться, всё подвергать анализу. Это соединяется с высокими требованиями, которые подростки предъявляют к людям во всём мире. И с тем, что вы сами ниспровергаете идеалы. И в результате ваши юноши и девушки действительно ни во что не верят. Ведь вы же сказали им, что католические священники живут с молодыми мальчиками. Я не оправдываю католических священников, хотя совсем не думаю, что

всё это правда. Про меня тоже рассказывали и рассказывают очень много неправд. Но во что верить молодым мальчикам? И девочкам тоже? Вы внушили им и себе, что религия подростку и юноше в принципе не может быть интересна. Это глубокая ошибка. В монастыре, в котором я рос и учился, далеко не все мои ровесники сдали экзамен на степень геше-лхарампа. Но если человек принимал решение дойти до конца, он часто принимал его именно в этом возрасте. И именно в этом возрасте всерьёз брался за учёбу. Я отнюдь не говорю, что каждый должен стать монахом и доктором буддийской философии. Но для подросткового возраста естественно восхищаться великими личностями, живыми или умершими. Не обязательно религиозными деятелями. Однако такой возможности вы им не оставили. Отличительная черта современного человека Запада – искать в великих людях смешное или мелкое. Подростковая черта. Посмотрите фильм «Амадеус», и вы поймёте, что я имею в виду. Для вас это – демократия. Вы считаете, что если покажете, как Моцарт бегал за женщинами, он перестанет быть «идолом» и станет «живым человеком». Но я не понимаю, как мог писать свою музыку человек, который только и делал, что бегал за юбками. Моменты вдохновения великих людей вы показать не хотите. Или не можете. Ведь это сделает их отличающимися от других. Это недемократично. Это заставит того, кто не имеет музыкальных способностей Моцарта, чувствовать себя неполноценным. Но признайтесь себе честно: в вашей истории тоже были великие люди. И, конечно, они отличались от других. Однако вы не признаётесь в этом. Для вас их гений «вышел случайно». А если случайно, то нечего и говорить о них. Но чем же восхищаться вашей молодёжи, если Моцарт бегал за юбками, а Вагнер был любимым композитором Гитлера? Не вижу в этом вины Вагнера, но вы видите. А молодые люди восхищаются так называемыми звёздами, эстрадными певцами. Вы направили стремление к идеалу, свойственное молодёжи, по самому удобному для вас руслу. Потому что сложно разувериться в Будде. И почти невозможно не разочароваться в Майкле Джексоне. Тот, кто не разочаруется в своих идеалах в зрелом возрасте, будет менять мир к лучшему. Но вы этого делать не хотите. Для вас ваш мир уже самый лучший. Ведь в нём есть Демократия и самые быстрые машины, что же ещё нужно человеку для счастья?

Юноши и девушки в Азии тоже стремятся к наслаждению. Но общество строго следит за тем, чтобы они не получили сексуального

опыта до брака. Вы же предоставляете подросткам такую возможность. Я глубоко убеждён, что ранний сексуальный опыт вредит умственному развитию. Видите ли, сексуальные желания так сильны, что даже взрослый человек с трудом может думать о чём-то другом, кроме них. Что уж говорить о подростке. Как вы думаете, многие сдали бы экзамен на степень геше-лхарампа, если бы в наши монастыри были допущены женщины? Да ни один человек! Итак, ваши юноши и девушки не очень умны. Вы скептически улыбаетесь. Вы, вероятно, не верите мне. Ещё бы, ведь вы строите лучшие в мире, самые сложные машины. Но, во-первых, строить сложные машины ещё не означает быть умным. Компьютер способен обыграть в шахматы самого лучшего шахматиста. Но компьютер никогда не напишет «Ламрим». И неужели вы действительно думаете, что изобретатели этих сложных машин начинали жить половой жизнью в пятнадцать лет?

Итак, с четырнадцати до двадцати или до двадцати пяти лет вы занимаетесь поиском наслаждений. Самых разных, разнообразных, сильных. Хорошо, если эти наслаждения не повредят здоровью и не разрушат мозг. Некоторые из вас всё же сумеют остановиться вовремя. Некоторые нет.

Вы останавливаетесь потому, что вы устали от сильных наслаждений. В то время, когда тибетские юноши и девушки только начинают по-настоящему жить чувственной жизнью, вы уже отворачиваетесь от неё. Начинается зрелость.

Хорошо, когда желание наслаждений совпадает с физическим расцветом организма. Страсти пагубны. Но страсти зрелого человека ведут его к принятию решений. Эти решения меняют мир. К лучшему или к худшему, но они его меняют. Когда и жить страстями, как не в зрелом возрасте! Не в старости же? И не в детстве?

Но вы уже не можете в полной мере жить страстями в зрелом возрасте. Хотя это не значит, что вы стали святыми. Нет, просто вы объелись. Вы начали жить половой жизнью в четырнадцать лет. В тридцать она давно перестала быть для вас загадкой, волшебством. В результате вы никогда не убьёте из ревности. Вы не похитите жену соседа. Не бросите всё, чтобы уехать за вашей любимой в другую страну.

Я не говорю о том, что убивать из ревности или похищать жену соседа хорошо. Но тот, кто способен самостоятельно принять решение о том, чтобы убить, самостоятельно может принять и другое решение. Усыновить ребёнка. Стать великим музыкантом. Уйти в монастырь. И даже просто: выбрать ту женщину, с которой вы проживёте до конца жизни. Но вы не так часто принимаете серьёзные решения в зрелости.

Этому есть три причины.

Во-первых, принятию решений помогают страсти. Лишь Будда или святой может принимать решения бесстрастно. Но сильных страстей в вашей зрелости уже нет. Вы успели разочароваться в мужчинах и женщинах.

Во-вторых, в детстве вам внушали, что у вас ещё будет время пожить настоящей жизнью. И вы верили этому. В юности вам тем более было не до этого. Вы искали наслаждений. Пришла зрелость, а у вас так и не было времени научиться принимать решения и нести ответственность за них.

В-третьих, в зрелости многие из вас становятся несамостоятельны в умственном смысле.

Видите ли, в духовном мире есть удивительный закон. Он заключается в том, что рабство в начале пути ведёт, в итоге, к свободе. А свобода в начале пути ведёт к конечному рабству. Мы, тибетцы, в четырнадцать лет верим авторитетам. Хорошим авторитетам. В результате в двадцать пять лет мы становимся достаточно умны, чтобы иметь своё мнение. Вы, европейцы, с семи лет учитесь иметь своё мнение. В результате в тридцать лет вы страшно устаёте от своего мнения. Ведь оно, ваше мнение, ни на чём не основано. И вы начинаете искать авторитеты.

Авторитеты живые или умершие. Вы закабаляете себя в ментальном смысле. Некоторые из вас становятся католиками. Другие коммунистами. Третьи буддистами. Четвёртые ещё какими-нибудь «истами». Именно так я смотрю на европейский буддизм. Европейские буддисты ужасно несвободны. Это люди, которые добровольно хотят отказаться от своего мнения и найти для себя

идола, какого-нибудь ламу, за которым они будут повторять все его слова. Поэтому любой честный лама делает всё возможное, чтобы не дать превратиться себя в идола. Досточтимый Чогьял Намкхай Норбу, например, делает так. Он нарочно шокирует своих последователей. Разумеется, я делаю так же. И всё-таки всё равно находятся люди, которые превращают нас в божков. Разумеется, я не говорю обо всех, сидящих здесь. Сама ваша способность слышать неприятные вещи уже доказывает, что вы не фанатики и что эти неприятные вещи не вполне верны в отношении вас. Впрочем, есть такие фанатики, которые с удовольствием слушают неприятное о себе.

А самый простой способ стать умственно несамостоятельными – это вера в так называемое «общественное мнение». В какие-то идеи, в которые верят девять человек из десяти. Например, в демократию. В защиту экологии. Но совсем не обязательно идеи, в которые верят девять из десяти, являются истиной. Разумеется, я не имею ничего против экологии. Но вы должны извинить меня, если ваши протесты против загрязнения окружающей среды кажутся мне подростковыми. Например, немцы протестуют против атомных станций на своей территории. Но разве у вас есть другое решение? Я не знаю, я не энергетик. Может быть, оно и есть. Например, альтернативные источники энергии, ветряные генераторы. Говорят, они тоже вредны. Но чтобы протестовать против атомных станций, это решение нужно предлагать сразу. Представьте, что завтра атомные станции останутся. В четверти домов не будет света. И вы первые закричите о том, что в правительстве сидят одни подлецы. Но так – так делают дети.

Зрелый европеец представляет собой странное зрелище. Это человек, который устал от страстей. Это, в известном смысле, старик. Но это и ребёнок: он несамостоятелен в своих мыслях. Он поклоняется какому-нибудь идолу общественного мнения или какому-то другому идолу. И предпочитает не брать на себя ответственность.

А затем приходит старость.

К старости человек Запада, как правило, освобождается от ментального рабства, от поклонения идолам. Эти идолы разочаровали его, как раньше разочаровали женщины и мужчины. И в европейские ценности он тоже не верит, хотя не говорит об этом громко.

Возможно, он хотел бы в глубине души во что-то поверить, но в этом возрасте уже нет сил начинать новую жизнь. В результате в этом возрасте большинство из вас становятся ироничными наблюдателями. Насмешниками. Кем-то, кто отходит в сторону и говорит: это мне не нравится. И вот это тоже. И это тоже плохо. А что хорошо, я не знаю. Ничего хорошего вообще нет в этой жизни.

И ещё одна парадоксальная черта вашей старости: попытка изо всех сил продлить свою молодость и привлекательность. Некоторые из вас и в семьдесят лет хотят нравиться женщинам. Некоторые женщины и в шестьдесят ведут себя так, как если бы им было двадцать. Упорно не понимаю, зачем вам это нужно. Индусы говорят, что плохо умирать в молодости, когда орех вашей души ещё слишком зелен и поэтому прирос к мякоти тела. Зрелый орех без труда отделяется от мякоти. Но вы изо всех сил пытаетесь и в семьдесят лет остаться зелёными. Отчего вы не думаете, что ваше посмертие будет для вас мучительно? Ведь когда тело распадётся, страсти останутся. И что вы будете делать с ними? У вас не будет тела, и вы окажетесь беспомощными перед страстями. Они овладеют вами и потащат вас в ад. Вы правильно говорите, что ад придумали люди, а не Бог.

Не знаю, согласны вы с моим описанием или нет. Если вы считаете, что я ошибаюсь, то и слушать вам меня незачем. Если вы согласны с ним, но вас устраивают особенности каждого из возрастов, тогда, опять-таки, вам незачем меня слушать: вы не узнали ничего нового для себя. Если же вам не очень хочется в юности быть ребёнком, в зрелости – ребёнком-стариком, а в старости – ироничным подростком-стариком, вы можете спросить меня: что же делать, чтобы так не было?

Начинать нужно было раньше. Но в каком бы возрасте ни начинать, способ начать – только один.

Человек, желающий в духовном смысле стать взрослым, должен неизбежно пройти стадию подростка. Умного подростка. Послушного подростка. Подростка, который доверяет авторитетам. Иначе говоря, необходимо избрать учение и довериться ему. Не стоит доверяться слепо. Но следует быть благожелательным по отношению к учению. Следует открыть свой ум, чтобы учиться всему хорошему, что есть в

этом учении, следует на время оставить свою дурную привычку постоянно спорить, ни с чем не соглашаться и ни во что не верить.

А после этого нужно начать принимать решения и нести ответственность за них. Самостоятельные решения. Такие, которые способны изменить жизнь и поэтому являются опасными. Возможно, вы скажете, что умеете принимать такие решения. Но это умение состоит в том, чтобы никогда не жаловаться. Ребёнок тоже умеет решать. Он может решить играть со спичками. Но когда обожжётся, он с плачем побежит к матери. Взрослый человек не должен жаловаться.

Лучше всего, если вы будете принимать их, никому не доверяя. Никого не слушая. Доверять нужно своей совести. Совесть часто идёт вразрез с общественным мнением и с житейской мудростью. Но для того, чтобы доверять совести, вам нужно, чтобы совесть появилась: чтобы внутри вас образовалось ваше собственное мнение по самым разным жизненным вопросам. А появиться совесть может только тогда, когда вы последуете тому или иному Благому Учению и сделаете его своим. Совсем не обязательно следовать буддизму. Следуйте христианству, если можете. Только не повторяйте старых христианских неправд, на которых стоит ваше общество.

И, в-третьих, нужно ограничить себя в чувственных удовольствиях. Большинство из вас не способны стать монахами. Но страсти того, кто ограничит себя в удовольствиях, станут более сильными и одновременно более чистыми.

Итак, отказ от жалоб, доверие Учению, ограничение в удовольствиях. Первое победит неприязнь, второе – невежество, третье – вожделие. Если вы спросите меня, что из трёх является более важным, я отвечу: конечно, невежество. И поэтому самым важным в этом рецепте является готовность учиться, является временный добровольный отказ от собственного субъективного мнения. Снова я повторю вам очень важную мысль, которую вы уже много раз от меня слышали:

Тот, кто начинает со свободы, заканчивает рабством.

Тот, кто начинает с рабства, заканчивает Освобождением.

Музыка

Многие из вас делают большую ошибку, думая, что Дхарма ограничена книгами, устными наставлениями и медитациями. Нет Дхармы как Абсолюта, Дхарма не существует сама по себе. Вы серьезно ошибаетесь, если считаете, что Четыре благородные истины или им подобные вещи существуют сами по себе, где-то в облаках, написанные на золотом облаке. Четыре благородные истины – это лишь способ описать реальность, которая вполне может быть описана и по-другому. Я пытаюсь донести до вас, что все можно воспринимать как Дхарму. Всё, что в конечном итоге ведет вас к Освобождению. Если ваша работа или ежедневные занятия ведут к Просветлению, значит, ваша работа – Дхарма. Например, все деяния бодхисаттвы – Дхарма. Даже его завтрак или обед.

И наоборот, если то, что вы делаете, уводит вас от Просветления, значит, это не является Дхармой для вас, как бы «дхармично» оно ни было для вашей компании или ваших друзей.

Все, что я сейчас говорил, также относится и к музыке старой Европы.

Музыка старой Европы прекрасна.

Я так не думал, когда впервые услышал её в Южной Индии много лет назад. Тогда она скорее не понравилась мне, чем понравилась. Слишком много звуков, подумал я тогда. Слишком тонко. Слишком мило. Слишком высоко. Слишком идеалистично. Зачем так много звуков?

Мы, тибетцы, по-другому относимся к музыке, вы знаете. Наша монашеская музыка сочиняется и исполняется только для того, чтобы вы всегда памятовали об омрачениях. Чтобы не заснуть и в то же время всегда быть сосредоточенным. В тибетской музыке нет надобности в красоте. Она хороша, только пока она полезна.

Но что-то было в вашей музыке такое, от чего я не мог оторваться. Что-то, что я не мог понять сразу. И я начал изучать её. И если сейчас я говорю, что она прекрасна, это моё честное буддийское мнение.

У меня практически нет сомнений, что именно Иисус – суть и источник музыки старой Европы.

Иисус не был музыкантом. И все же Его образ не прекращает озадачивать меня. Он – ваш самый большой драгоценный камень и ваша самая большая загадка. Рассматривая Иисуса как источник вашей культуры и музыки, я не имею в виду только вашу духовную музыку. Я имею в виду идеалистический дух учения Иисуса.

Я чувствую, что мне не хватит слов объяснить рождение вашей музыки из духа Евангелия. Но я попытаюсь. Фактически это уже стало моей работой: объяснять необъяснимые вещи, в которые практически никто не верит.

Я начну с «Кармен», известной французской оперы. Я смеялся, когда в первый раз услышал её. Вы, конечно же, знаете сюжет. Офицер влюбляется в прекрасную девушку с табачной фабрики. Девушка поначалу отвечает взаимностью, но потом переключается на «убийцу быков», на тореадора. Убийца быков – он и есть убийца быков, как бы там его ни назвали. И офицер убивает её из ревности.

А что за песни они поют! Ни убийцы, ни рабочие, ни военные никогда бы так не спели, даже если поверить, что мясники вообще поют. Ни мясники, ни солдаты, ни заводские рабочие не любят такие сладкие песенки, они грубые люди. Поэтому эта опера казалась мне очень неправдоподобной.

А затем, как-то, я осознал. «Кармен» не показывает жизнь, как она есть. Эта опера показывает жизнь, какой она должна быть.

Лейтенант из «Кармен» – это не реальная личность. Это идеальный офицер, идеал воина, страстного и нежного одновременно. Опера наполнена идеалами. И эти идеалы вдохновлены Иисусом, самым главным идеалистом, который хотел, чтобы все люди были, как ангелы на небесах. Не просите меня доказать это. Я не смогу. Мне просто так кажется.

И так не только в «Кармен». Вся музыка XIX века описывает мир, которого ещё не существует. Или мир, который может существовать

где-то вне нашего мира. Вселенная – это такая вещь, о которой мы мало что знаем.

Вы можете спросить меня: зачем нам, простым смертным, этот идеальный мир? Что ж, он будит в нас желание жить лучше, справедливее, порядочнее и красивее.

Есть два пути достижения Освобождения. Буддийский путь – это анализ. Вы смотрите на этот мир, вы смотрите внимательно и видите, как все устроено. И говорите: как ужасно! Вот этого я должен желать или быть привязан к этому? Нет, спасибо. Как должно быть прекрасно вне этого отвратительного мира!

Христианский путь – это мечтание. Вы смотрите на изображение Иисуса. Или слушаете красивую музыку, которая, кстати сказать, является лучшим изображением Бога, чем любая картина. И вы говорите: как красиво! Как мне этого хочется! Как же ужасен должен быть этот мир, в котором не будет никогда такой красоты! Должен ли мне нравиться этот мир? Нет, спасибо. Просто послушайте произведения Шопена, польского композитора, и вы поймете, о чем я.

Или я должен любить этот мир, несмотря на его зло? Должен ли я, когда думаю, что эти прекрасные звуки идут от земли? Смотрите: был этот идеальный лейтенант, и он любил ту идеальную женщину, и убил её идеальным ножом. Да ничего и не было. Музыка нас обманывает, но пусть будет эта иллюзия, она хороша. Я могу к чему-то стремиться, когда у меня есть эта иллюзия. Я могу попытаться жить на Земле и в то же время быть хорошим человеком. Попытка, скорее всего, не увенчается успехом. Но эта попытка сделает мир, в котором мы живем, чуть лучше.

И этого гораздо больше в музыке старой Европы. Она выходит за рамки идеализма. Она развивает наши лучшие чувства, нашу интуицию. То, что нам обязательно нужно, то, без чего мы не сможем прийти к Освобождению.

Почему интуиция так важна? Потому что она позволяет нам видеть вещи. Европейец часто не видит вещей. Он просто видит бирки, которые придумали люди, чтобы скрыть суть вещей. Зачем это нужно было скрывать? Потому что каждый, кто видит вещи такими, какие

они есть, может видеть ложь, на которой построено общество. Ваше общество рухнет, если многие увидят эту ложь.

Опасна ли музыка для государства? Несомненно. XIX век – это время великолепной музыки и двух революций. Немцы и французы были лучшими музыкантами в то время. И обе эти нации пострадали от их революций. В начале XX столетия тоже была отличная музыка. И в это время вы столкнулись с двумя войнами.

Вы можете сейчас посмеяться надо мной и подумать: что за абсурд? Он хочет, чтобы мы поверили, что музыка спровоцировала войны? Это не музыка сама по себе спровоцировала их. Это было сильное желание лучшего мира, вызванное музыкой. Музыка обманывает. И на какое-то время заставляет нас поверить в то, что этот лучший мир существует и мы можем найти его здесь, на земле.

Мысль о том, что кто-то может создать такой мир с помощью оружия, никогда не посетит достаточно умного человека. Но стать таким человеком в одночасье невозможно. Все сделано для того, чтобы сделать из вас глупцов. Почему тринадцать лет в школе вы изучаете не реальные вещи, а слова и концепции? Как можно вырваться из этого, когда тринадцать лет вашу голову фаршировали шаблонами? И вот сейчас вы слышите музыку, которую вы никогда не учились понимать. Неудивительно, что когда это всё вместе входит в ваше глупое, неразвитое сознание, возникает сильное желание лучшей жизни, вдохновленное музыкой, и желание достичь этого с помощью оружия, убийства ваших врагов: идея, воспитанная ещё в школе. А дальше война.

Не занимайтесь ни войной, ни любовью. Лучше учитесь и развивайтесь вместо этого. Прежде всего, вы должны забыть всё, чему вас учили о музыке в школе. Всё о нотах, знаках, ритмах, сюжетах, о музыке барокко, музыке эпохи романтизма и обо всем другом, как бы оно там ни называлось. Затем просто слушайте, как будто вы ребенок. Может быть, вы чему-нибудь научитесь, просто вот так вот слушая. Что-то о себе. О мире идей и идеалов. О терапии.

Знаете, что я имею в виду под словом «терапия»? Терапию сознания. Музыка опасна. Любой яд опасен. И музыка тоже может стать ядом. Но каждый яд может стать и лекарством. Нет абсолютного яда или

абсолютного лекарства, как и абсолютной Дхармы. Вы можете вылечить болезни своего ума, ваши умственные препятствия с помощью лекарства музыки.

Если вы достаточно внимательны, то вы можете заметить влияния различных композиторов. Вы можете почувствовать, в каком направлении музыка движет вас. Помните, что сострадание возрастает на почве Бетховена. Мудрость цветёт в саду Баха. Под действием Шопена увядают эгоистичные желания. Вот вам три лекарства от трёх корней зла: гнева, желания и невежества, или равнодушия. Это то, что я называю терапией. Я могу также рассказать и о других композиторах. Но поверите ли вы мне? Кто-то, пожалуй, улыбнется, считая все это выдумкой. Но вам не надо верить мне. Верьте своим собственным глазам и ушам. И мозгам, если они у вас есть.

Слушайте! Учитесь слушать. Учитесь ценить вашу старинную музыку, этот драгоценный камень, который Иисус, ваш западный учитель, оставил вам. Вода камень точит, капля по капле. Также и невидимые звуки музыки уничтожают понемногу камень вашего невежества.

Неправды

Всякий раз, когда я преподаю основы Винаи, мои студенты удивляются тому, что ложь в буддизме относится к основным чёрным деяниям. Что ложь стоит в том же ряду, что и убийство, воровство, блуд. Вы, люди Запада, отнюдь не считаете ложь чем-то очень серьёзным. Ведь есть же, по-вашему, ложь во спасение. Вы даже убеждены, что в с е л г у т. В том числе и ламы, и священники.

Вот в этом ваша беда.

В том, что вы не считаете ложь серьёзным проступком? Или в том, что лгут священники, вы спрашиваете? Во всём сразу.

Понимаете, ваши священники ни в чём не виноваты. Вы не оставили им другого выхода. Но, думаю, что именно священники заложили фундамент целого ряда неправд, на которых сейчас стоит западное общество. А что они ещё могли сделать? Они выбирали между бóльшим и меньшим злом.

Думаю, что первопричиной всему стал Иисус.

Сейчас кто-нибудь из вас подумает: конечно, лама не может не нападать на нашу религию и на нашего учителя. Но я вовсе не нападаю. Я сокрушаюсь. Иисус, как и священники, ни в чём не виноват. Кроме одного: Он оказался слишком на вас непохож.

Вы – менеджеры, деловые люди. Иисус не был деловым человеком. Он был великим поэтом. Мечтателем. Сейчас вам кажется, что я вновь Его критикую, потому что для вас «мечтатель» – это бранное слово. Но эта критика содержится в вашем уме, а не в моём. Почему я должен считать «мечтателя» бранным словом? Я сам мечтатель своего рода. Переезд в Европу с целью проповеди Учения был очень наивен с моей стороны, а только мечтатель способен на наивные поступки. Впрочем, я не жалею об этом переезде. Проповедь в Европе – прекрасный путь для того, чтобы стать бодхисаттвой. Бодхисаттвой Кшитигарбхой. Надеюсь, что кое-кто понял сейчас, что я имел в виду.

Иисус был великим мечтателем, поэтом и идеалистом. Но не просто мечтателем. Думаю, что Он достиг всего, о чём мечтал. Он мечтал, что и другие достигнут этого.

А вы, европейцы, назвали себя Его учениками, поэтому вам нужно было что-то делать. Иисус, в отличие от Будды, не оставил вам никакой методики, никакого последовательного пути. Поэты не оставляют методик. Освобождения можно достичь, идя маленькими шагами. Царства Божьего можно достичь только прыжком. Или несколькими прыжками. Прыжок первый: возлюби ближнего как самого себя. Это то, что у нас называется л о д ж о н г, развитие сострадательного сердца. Прыжок второй: раздай всё, что имеешь, и следуй за учителем. То, к чему призывал Будда первых монахов.

Эти прыжки оказались для большинства слишком велики, а пропасти между ними – непроходимы. И вот священникам осталось только одно. Притвориться. Лгать. Лгать, будто вы уже прыгнули. Уже летите. Что имеете шансы благополучно приземлиться. В действительности, вы даже не отрывались от земли.

А что им оставалось делать? Сказать, что никто никогда не станет подобен Иисусу? Но тогда ваша религия вообще не нужна. Тогда люди останутся, какими они были. Поэтому пришлось притворяться.

Так был заложен целый ряд неправд. Эти неправды определяют всю жизнь западного общества. Они – первое, чему начинают обучать ребёнка.

Давайте взглянем на них поближе.

Ложь первая: мир постоянно развивается. Раньше было хуже, сейчас стало лучше.

Ложь вторая: демократия – лучший общественный строй.

Ложь третья: богатство и слава есть мера того, насколько хорош человек.

Ложь четвёртая: существует вечная, идеальная любовь между мужчиной и женщиной.

Ложь пятая: между мужчиной и женщиной в духовном смысле нет никакой разницы.

Ложь шестая: вещи и слова, которыми их обозначают, – это одно и то же.

Ложь седьмая: в вашем обществе совсем мало плохих людей. А если они и появляются, их быстро наказывают.

Ложь восьмая: вы – христиане.

Я не буду говорить про каждую из этих неправд. Про демократию, например, я уже говорил. Я скажу только про некоторые.

Итак, ложь первая: общество развивается. Но, строго говоря, я не вижу никаких подтверждений тому, что общество развивается. И не оттого, что я недоброжелательный иностранец. Мне кажется, ваше общество развивалось примерно до середины XIX века. И в XIX веке оно достигло своей вершины. Это было совсем недавно, но это – уже было. Именно тогда были написаны ваши лучшие книги и ваша лучшая музыка. Конечно, сами по себе книги и музыка не показывают уровень развития общества. Важна степень сострадания. Когда я читаю Диккенса, мне кажется, что мера сочувствия, которую его герои испытывают друг к другу, уже никогда не будет вами достигнута вновь.

Развивается только техника. И вот здесь кроется ещё одна из неправд, в которые вы верите. Вы считаете, что техника – друг человека. Поверьте мне, что пулемёты, из которых стреляли по тибетским монахам, не были их друзьями.

В каждом обществе есть третья варна: вайшьи, купцы. Люди, которые любят деньги и умеют их делать. Их достаточно много. Иногда их большинство. Но все не могут быть купцами. Вы же считаете, что могут. Вы так долго убеждали солдат и священников поверить в то, что они должны быть так же богаты, как купцы, что они должны любить деньги и уметь их делать. И они поверили, в конце концов. Теперь ваши священники и государственные служащие пытаются делать деньги. У кого-то это получается. У того, кто как следует

проповедует или служит, это получается плохо. В результате эти люди чувствуют себя неполноценными. Неполноценный мужчина редко нравится женщине. От этого женщинам начинает казаться, что сильных мужчин вокруг не осталось, хотя мужчины в этом и не виноваты. Тогда женщина берёт на себя задачи мужчины и становится мужеподобной. Так появляется лесбийская любовь. А мужчинам неприятны мужеподобные женщины. Так появляются мужчины-гомосексуалисты.

Или же мужчина считает, что если он заработал мало денег, он должен получить «компенсацию» в личной жизни, в виде сексуальных удовольствий. И тут мы переходим к четвёртой лжи.

Конечно, никакой вечной любви между мужчиной и женщиной нет. Есть вечное сострадание. Не знаю, как вы вообще пришли к этой идее. Может быть, Иисус и мог любить идеальной любовью, и она была вечной. Вы же притворились, что стали почти как Он. Но вы не стали.

В результате почти каждая западная девушка, которая вступает в брак, думает, что достигла цели своей жизни. Она ждёт, что её муж окажется богом. Богов среди людей мало. В результате чрезмерные надежды ведут к большому разочарованию. Мужчины обманули меня, они – не боги, думает женщина. Женщины всем лучше. Так снова возникает лесбийская любовь. В действительности мужчины не лучше и не хуже. Мужчины д р у г и е. Мужчины и женщины – это совершенно разные, непохожие друг на друга существа. Есть много мужских мыслей, которые женщине просто неинтересны, и наоборот. Но западная женщина, обманутая ложью о духовном равенстве женщины и мужчины, меряет мужчину женской меркой. Конечно, она находит его всем хуже, ведь мужчина не может рожать детей, он менее вынослив, менее красив, и интуиция его слабее. Это всё равно, что оценивать лошадь только как машину для передвижения. Конечно, мотоцикл быстрее, прочнее. Но лошадь р а з у м н а. Школьные учителя творят большое зло, когда ставят знак равенства между мужчинами и женщинами. Они делают и тех, и других несчастными. Они увеличивают число лесбиянок и гомосексуалистов. Но ведь вы считаете гомосексуалистов нормальным явлением, вы дали им те же права, что и обычным людям. А у нас мужеподобные женщины и женоподобные мужчины не могут быть пострижены в монахи. И для монахинь – совсем другие запреты, чем для монахов-

мужчин. Если бы Будда родился среди вас в наше время, вы посадили бы Его в тюрьму за дискриминацию.

А мужчина в вашем обществе заводит несколько любовниц, вместо того чтобы завести несколько жён. Он не может завести несколько жён, ведь вы верите в то, что есть только одна вечная идеальная любовь. И поэтому, заведя любовниц, он тоже чувствует себя виноватым. Вы почти все чувствуете себя виноватыми перед тем священником, который в детстве произносил вам проповеди. Например, потому, что вам сказали, что вы, как всякий человек, должны быть богатым, любить одну женщину идеальной любовью, а также любить, как Иисус или Будда, всех людей. Но вы чувствуете, что у вас этого не получается. Поэтому религия раздражает вас. Поэтому так мало людей в западном обществе ходят теперь в церковь. Я совсем не говорю, что много жён – это хорошо. Думаю, что чем меньше, тем лучше. И всё же много жён лучше, чем много любовниц. О своей жене мужчина заботится. А любовницу можно бросить, когда она разонравилась. Или убить. Ведь любовница – это для христианина грех, и убивая любовницу, вы думаете, что убиваете грех. Разве не так? Вы протестуете, но это именно так и есть. Вспомните «Кармен». Это ваша, европейская опера. Офицер убивает цыганку за то, что она завела любовника. В Тибете, конечно, такое тоже случается. Страсть сильна во всех народах. Но между нами и вами всё-таки есть разница. Мы честно говорим, что в человеке есть желание, ненависть и ревность. Это плохо, но они есть, а уйти в монастырь может не каждый. Поэтому мы пытаемся связать желание, ненависть и ревность узами общественной морали. А вы говорите, что желания у мужчины к разным женщинам появиться не может. Потому, что это противоречит идеалам вечной любви, это не по-христиански. Вы делаете вид, что желания вообще нет. А оно поднимает голову и всех убивает.

А теперь шестая ложь.

Вы глубоко убеждены, что вещи и слова – одно и то же. Что слово всегда точно соответствует внутренней сути вещи. Тем более написанное слово. Думаю, что это тоже идёт от религии, ведь в начале Евангелия от Иоанна стоит, что *слово было Богом и Бог был словом*. Изучай вы хотя бы основы Праджня Парамиты, вы поняли бы, что это не так. Я не спорю с Евангелием. Есть разница между Словом

Евангелия и словами, которые мы произносим. Всё ваше обучение построено на словах, терминах, концептах. Без слов вы чувствуете себя совершенно беспомощными. Как только появляется оригинальный философ или проповедник, первое, что вы делаете, – это поиск слова, термина, определения. Вы стремитесь найти ярлык. Вы думаете, что ярлыки объясняют суть вещей. Вот примеры ярлыков: Платон – идеалист. Иисус – идеалист. Буддизм – это философия, а не религия. Но эти ярлыки ничего не объясняют, совсем ничего. Ведь если Иисус – идеалист, а идеализм – это плохо, по-вашему, то ваша религия плоха. Почему вы об этом не задумываетесь? Вы назвали буддизм философией и считаете, что уже знаете про нашу религию всё. Но разве вы почувствовали вкус буддизма? Конечно, нет, не обманывайте себя. И кто вам сказал, что буддизм – это не религия? Как будто у нас нет ни храмов, ни проповедников! Вы просто не нашли в буддизме признаков христианства, вот и заявляете, что буддизм – это не религия, а только философия. Вам просто удобно так считать. Ведь философия, для вас, – это то, что определяет только ум, а не жизнь. Философы безобидны, они не мешают богатым быть богатыми, а бедным – бедными. Но вы ошибаетесь. Буддизм определяет жизнь. Поэтому он – религия. Ваши учёные ошибаются, даже если они доктора и профессора.

Вы, европейцы, вообще очень верите в титулы, особенно немцы. В такие, как «профессор», «учитель», «врач», «священник». Вы думаете, что самый факт называния человека профессором уже делает его мудрецом. Но с какой стати? Точно так же вы наивно верите в то, что ваши школьные учителя всегда учат добру и истине, просто потому, что они – учителя. У них есть диплом учителей. А бумага не лжёт. Когда две тысячи лет назад ваши учителя учили тому, что земля плоская, вы и тогда им верили. Ведь у них тоже были дипломы. Вы, кажется, забыли свою собственную школу, забыли, как её ненавидели. Для меня было потрясением узнать, что большинство из вас в детстве не любили своих учителей. Если ты не любишь учителя, то зачем идти к нему? Потому, что вы не можете не идти. Ведь вам внушили, что «учитель» – это всегда учитель, уж если у него есть диплом. Что учение – всегда добро. А вы всегда стремились к тому, чтобы привести других людей к добру, хотя они этого сами или нет. Это – черта человека Запада. Поразительна наивность взрослых людей, которые за двадцать лет успевают забыть все свои чувства и поверить в справедливых, умных и добрых учителей. Но вновь я не думаю, что

вы настолько наивны. Вам просто так удобней. Ведь если школа плоха, если она несёт вашим детям зло, то, значит, вы должны что-то делать с этим, разве нет? Но что? Ведь вы никогда не учились учить сами. И разве вы сами знаете, что есть истина? Если вы будете учить своих детей сами, вы будете повторять те же самые неправды, которые повторяют школьные учителя.

Привычка все вещи обозначать словами ведёт к тому, что за словами вы не видите вещей. Образованным у вас считается не тот, кто знает вещи, а тот, кто знает все слова. Например, хорошим священником у вас называется не тот, кто интуитивно чувствует, что есть добро и зло, а тот, кто прочёл все книги о добре и зле. Наши ламы тоже читают книги. Но они обязаны видеть то, что стоит за буквами. Если человек не видит, что стоит за буквами, то в ш е д р е, буддийском монастырском институте, он не сдаёт экзамен. А в европейском институте он становится доктором наук.

И вот вы верите в ваших профессоров, учителей и священников. Но где-то внутри вы чувствуете, что они воспроизводят эти неправды, восемь видов неправд. Поэтому вы отворачиваетесь от них. Вы говорите: эта жизнь – не настоящая. Лучше я буду жить настоящей жизнью. Например, заведу любовницу. Женщина в вашем обществе отворачивается от мужчины, если он слишком интеллектуален. А так как вы все стали интеллектуалами, то это рождает лесбийскую любовь и гомосексуализм.

И после всего – финальная ложь. Ложь о том, что вы являетесь христианами, то есть последователями Иисуса. Если быть последователем означает делать всё наоборот, тогда вы христиане, конечно. Я думаю, что антихристиане тоже христиане. В известном смысле баран противоположен овце, а конь – лошади. Например, потому, что овца покорна и кротка, а баран энергичен. Вы называете себя овцами, которых пасёт Иисус. Но в действительности вы бараны, которые разбрелись по полю и забыли про то, что их кто-то пасёт. Что ж, в любом случае баран ближе к овце, чем коза. Но проблема в том, что многие из вас начинают изучать восточные религии. В результате вы становитесь неизвестно кем. Ни козой, ни овцой. *Ра мэ луг мэ.*³

³ Видимо, Ринпоче имеет в виду тибетскую поговорку *ra med lug med*, которая означает «ни то ни сё», буквально «ни коза ни овца» (прим. Л. Рёмера).

Но что же вам делать, в таком случае? Если вы слушали меня внимательно, то вы можете ответить и сами.

Перестаньте верить в слова. Слова не есть вещи. Слова произносят люди. А люди лгут. Перестаньте верить в неправды. И накрепко затворите свой слух для советов. Не верьте никому. Даже мне вы не обязаны верить. Что толку верить, если вы не понимаете? Вера без понимания рождает фанатизм.

Откажитесь от образа святого-в-миру, который с детства вам внушали проповедники. Вы не Иисус. Вы пока не можете любить всех людей. Вы не обязаны иметь одну вечную любовь вашей жизни. Не ваш долг – быть богатым. Вы не виноваты в том, что вы не понимаете женщин, а они не понимают вас. И вам не дано право принуждать кого-либо к добру. Как вы можете, если даже не знаете, что есть добро?

А после поезжайте ближе к вещам. Куда-нибудь, где слов как можно меньше. И там дайте честную оценку самим себе. Поставьте себе диагноз. Ищите врача. Но не сидите пассивно в его ожидании. Возьмите меч медитации и сражайтесь с теми змеями, которые жили в вашем саду под листьями неправд. Через какое-то время вы снова сможете начать читать книги.

Это буддийский путь. Предполагаю, что есть и христианский. Я не пробовал его. Разбегитесь и прыгайте через пропасть. Может быть, в полёте у вас вырастут крылья. Но вначале было бы неплохо поискать тех, кто умеет летать. Не думаю, что они есть в каждой церкви. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что я знаю способ, как отличить мастера полёта от тех, кто только говорит о полёте.

Мастер не произносит неправд. Неправды в полёте закончатся смертью.

Будда и Христос

Сегодня, в великий день Паринирваны Будды, я хотел бы сказать о двух великих исторических личностях. Настолько великих, что, возможно, за всю известную нам мировую историю не было никого значительней. Это Будда и Иисус.

Я не хочу при этом обидеть никакую религию. Вероятно, Магомет, Кришна или Зороастр тоже были великими людьми. Но история их жизни – это, скорее, легенда. Как нам ни хочется верить, что Магомет путешествовал по небу на священном коне, что Кришна победил демона величиной с гору, не очень в это верится. Правда, я хочу предостеречь вас от пренебрежительного отношения к легендам. Священный конь может быть конём концентрации. Демон величиной с гору – это совсем не обязательно монстр вроде тех, которых показывают в современных западных фильмах. Это может быть страсть или невежество, и вот они – действительно величиной с гору. Но если в биографии сложно отделить факты от метафор, то сложно и оценить масштаб личности.

Напротив, Будда и Иисус – исторические персонажи, почти все подробности жизни которых мы знаем очень точно. И, зная, не можем не восхищаться.

Впрочем, я не хочу никому навязывать ни веры, ни любви. Христианин, конечно, может не любить Будду. Но невозможно не уважать Его, зная огромность Его идей, зная длительность и напряжённость Его труда, зная, как много Будда совершил для становления первой сангхи – и для всей Азии. Точно также буддист может скептически относиться к несколько слащавому и сентиментальному культу Иисуса, который установился на Западе и который нам кажется преувеличенным и слегка лицемерным. Но невозможно не преклониться перед Его огромным влиянием на всю Европу. Без Иисуса не было бы ни европейской музыки, ни европейской литературы, ни европейской архитектуры. Верней, были бы, но это была бы совсем другая музыка, архитектура и литература. Наверное, похожая на древнеримскую. Или на американскую. Это не просто шутка, точней, это совсем не шутка. И если кто-то будет мне говорить про Иисуса в американских храмах, я ему расскажу анекдот про маленького американского мальчика, который написал Иисусу

письмо. «Дорогой Бог! – писал мальчик. – Сегодня я побывал в церкви. Мне там очень понравилось. Надеюсь, и ты тоже там когда-нибудь побываешь».

Сейчас во всех странах Запада происходит интенсивная борьба между античной, то есть дохристианской, и христианской культурой. Современная Америка – это древний Рим, чуть-чуть приукрашенный внешним сентиментальным культом Иисуса. И, знаете, хорошо, что есть хотя бы это «чуть-чуть». Это «чуть-чуть» напоминает шёлковый поводок, накинутый на огромного бешеного зверя. Поводок тонкий, но лучше такой поводок, чем никакого. Я надеюсь, вы все понимаете, о чём я говорю. И надеюсь, что среди вас нет наивных, которые исповедуют культ Америки, хоть во Франции и Германии очень много таких наивных. Но, строго говоря, я не должен об этом говорить много. И не потому, что чего-то боюсь. Просто монах, согласно Винае, не должен говорить о политике.

Я возвращаюсь к Будде и Христу. Буддист не может почитать Будду так же, как человек не может не дышать. Но, знаете, с детства в моём огромном почитании и любви к Будде всегда было ещё что-то большее. Это было – удивление. Будда восхищал меня тем, что был не таким как все. Долго я думал, в чём же выражается Его инаковость. И понял только тогда, когда приехал в Европу.

Будда – это европеец.

Я не имею в виду Его национальность. Хотя есть, например, один западный лама, который утверждает, что Будда Шакьямуни имеет украинские корни. Лама говорит это на Украине. Возможно, в Дании он говорит, что предки Будды пришли из Дании... Кровь не так важна. Даже если случайно среди предков Будды и были европейцы, то этот национальный импульс за такое долгое время угас. Я имею в виду что-то совершенно другое.

Мы, тибетцы, больше мечтатели, чем делатели. На протяжении многих веков нам больше нравилось молиться, чем, например, пахать землю. И сейчас нам это нравится больше.

Но и индийцы, они – такие же. И непальцы, бутанцы, вьеты, тайцы, они все – такие же. Проще говоря, все жители Джамбудвипы,

Центрального континента, – мечтатели. Единственное исключение – японцы. Но японцы находятся так далеко на Востоке, что сложно понять, что это: то ли самый дальний Восток, то ли уже самый крайний Запад. Вообще, морскому народу нельзя быть мечтателем, ему нужно бороться за жизнь.

Будда – не мечтатель, в отличие от огромного множества наших святых.

Если бы Кришна, или Саи Баба, или один из восьмидесяти четырёх махасиддхов был на месте Будды, он, возможно, решил бы, что Освобождения можно достичь прямо в царском дворце. Ведь всё равно между сансарой и нирваной нет никакой разницы. Кстати, это именно точка зрения Хэшана Махаяны, китайского проповедника, противника Шантаракшиты в известном споре при тибетском царе Трисонг Дэцэне.

Но Будда поступил по-другому. Он ушёл из дворца и долго странствовал, прямо как древнегреческий Одиссей. И во время этих странствий Его учителями неизменно становились мечтатели, которые говорили Ему: не надо ничего делать. Пробуждение внутри нас. Остановись. Отбрось все желания. ЗаMRI. Осознай эту простую мысль.

Но Будда не остановился до тех пор, пока не выдержал великую битву с Марой и не пришёл к Своему великому Пробуждению. И в этой битве Он действовал как кшатрий, как воин, а не как брахман. Оттого, что брахман не воюет. Все европейцы – немного воины. Вот почему Будда Шакьямуни – европеец. Разумеется, Падмасамбхава – тоже.

И дело не только в победе над Марой. Все оставшиеся годы – а этих лет было много – Будда действует не как простой проповедник. Он трудится как менеджер. Как руководитель крупного предприятия. Он не считает себя, например, настолько святым, чтобы не входить в самые мелкие подробности жизни сангхи. Будда лично распоряжается, чтобы устроить для монахов крытые туалеты. Вы можете представить, чтобы Миларепа позаботился о крытых туалетах? У него и постоянной сангхи не было. Миларепа нам, тибетцам, дорог и любим нами, потому что он – такой, как мы, мечтатель и поэт. Будда любим

нами потому, что Он – не такой, как мы. Он – труженик. И только в этом смысле, а не в смысле нации, Будда – европеец.

При этом вы не должны думать, будто я считаю, что менеджеры важнее поэтов. Это совсем не так! Вас, французов и немцев, разве ещё не тошнит от вашего мира, в котором остались одни менеджеры и совсем не осталось поэтов? Но, понимаете, трудом поэта и мечтателя легко восхититься. После них остаются поэмы и проповеди, они красивы, они чудесны, их хочется слушать снова и снова. А крытые туалеты – это совсем не так красиво. Но они тоже нужны. Очень. И это подвиг – заниматься туалетом, когда хочется писать проповедь или поэму о белом коне концентрации, на котором ты едешь по небу.

Когда же я больше узнал о личности Иисуса, когда прочитал Евангелие, меня поразила и вторая вещь.

Понимаете, Будда, который родился на континенте мечтателей, – менеджер. Иисус, который родился на континенте менеджеров, – мечтатель.

Вы не согласны со мной? Тогда читайте Евангелие сами. В том, что делает Иисус, мало прагматики. Менеджер не будет чудесным образом творить еду из воздуха для толпы своих слушателей. Просто потому, что он заранее подумает о питании и закупит еду. Ведь Будда никогда не творил хлеб из воздуха, а в Его сангхе тоже были тысячи монахов! Менеджер не будет превращать вино в воду, опять-таки потому, что вино можно купить заранее, если уж это очень нужно. Менеджер не попросит своих учеников купить меч только для того, чтобы при виде врагов, когда его ученики обнажат меч и даже пустят его в дело, сказать им: вложите меч в ножны, над нами в небе – тысяча защитников. Менеджер не даст предателю вести бухгалтерию сангхи, надеясь этим перевоспитать его. Все эти черты выдают в Иисусе поэта, а не дельца. И великого поэта, конечно.

Почти сразу, когда я понял это, я задал себе вопрос: отчего? Зачем так было нужно? Ведь и Будда, и Иисус могли самостоятельно выбрать место своего рождения! Уж если они не могли, то кто же мог? В чём был смысл этого парадокса? А он, разумеется, был, ведь иначе Восток не признал бы Будду, а Запад – Христа в качестве своих величайших учителей.

Понял я это только недавно.

Представьте себе, что было бы, если бы Будда родился на Западе! Да, Его Учение услышали бы, почти сразу. Ему не пришлось бы пробивать себе мучительную дорогу. Ведь оно – такое своё, такое похожее! Трудитесь и наблюдайте за собой. Люди Запада только и делают, что этим занимаются. Правда, они трудятся над миром, а не над своим сознанием. Но Учение Будды – очень деловое, очень научное. Не давайте деловое Учение в руки дельцов! Они доведут его до абсурда. Они сделают из него бизнес-план. Они уже сделали. Почитайте книги западных лам о буддизме. Они прописывают Учение Будды как готовый рецепт. Девять дыханий левой ноздрей, девять дыханий правой ноздрей, затем садхана Ваджракилайи – и ты обретёшь Пробуждение. Гарантировано. Если не обретёшь, фирма возвращает деньги. Правда, рецепты у всех западных лам разные. Интересно, пробуждения у них тоже разные? Я никогда не проверял эти рецепты, и вам не советую. Я просто не считаю буддизм фаст-фудом. И аспирином не считаю.

Когда же на Западе появился Иисус, Его Учение для европейцев оказалось как удар по голове. Как зверь, который заговорил человеческим голосом. Как падение с лошади. Они до сих пор не могут его переварить. Ещё бы! Менеджерам велели быть поэтами. Менеджерам сказали: не собирайте сокровищ! А как дельцу не собирать сокровищ? Большинство предпочли пропустить эти слова мимо ушей. Но кое-кто расслышал. Здесь, в Европе, появились святые люди, такие же, как наши святые. Святые-мечтатели. Святые-поэты. И они немного смягчили грубый мир дельцов. Помните, что я говорил о шёлковом поводеке? Иначе жить здесь, на Западе, было бы просто невыносимо.

И то же самое случилось с Центральным континентом, с Джамбудвипой, когда у нас воплотился Будда. Мы, мечтатели, начали трудиться. Мы стали вращать колесо своего внимания. И, вращая это колесо, мы задумались о том, что такая вещь, как гончарный круг или циркулярная пила, облегчает жизнь.

Хотя мы так и не стали воинами, царский сын Будда Шакьямуни так и не сумел вдохнуть в нас воинский дух! Мы, тибетцы, оказались

побеждены китайцами, которые больше общались с людьми Запада и большому от них научились. Но если мы не победили китайскую армию, мы сумели победить китайский буддизм. Как американское христианство – это христианство без Иисуса, так китайский буддизм – это буддизм без Будды. Это – абсолютная мечтательность, чистая поэзия, растворение в полном ничто. Но Будда никогда не советовал нам растворяться в полном ничто! Он нам заповедал обрести семь драгоценностей чакравартина: драгоценного коня, слона, женщину, советника, меч, жемчужину и колесо. А вы знаете, что это за семь драгоценностей? Нет, не знаете. Слон – это слон терпения, потому что слон идёт невозмутимо. Конь – это конь дисциплины, который полностью послушен наезднику. Женщина – это женщина щедрости, потому что щедрость делает нашу душу мягкой. Советник – это советник внимания. Меч – это меч мудрости, который уничтожает невежество. Колесо – это колесо усердия, потому что оно всегда вращается. Жемчужина – это жемчужина концентрации, лучше которой ничто не может быть. Но чтобы приобрести семь этих драгоценных вещей, нужно много трудиться, и неважно, идёт ли речь об обычном слоне или о слоне терпения. О, что было бы, если бы к нам пришёл Иисус! Мы приняли бы Его с восторгом. И мы бы все эти две тысячи лет просидели в позе для медитации, грезя о Царстве Божьем.

Именно поэтому всякая религия хороша на своём месте. Именно поэтому Его Святейшество Далай-лама серьёзно обеспокоен распространением буддизма на Западе. Поняли ли вы, наконец, о чём он беспокоится? О том, что вы, европейцы, сделаете из дхарма-центров торговые фирмы. И я понимаю его беспокойство, я видел такое много раз. Вы ведь даже из храмов Иисуса, абсолютного мечтателя, умудрились сделать магазины. А вы сами не боитесь этого? Если вы не превратите Будду в супер-босса или в патентованное лекарство, если вы отнесётесь к Учению Будды с настоящим вниманием и уважением, будете практиковать его медленно, вдумчиво и тщательно, то тогда – тогда вы можете быть буддистами. И тогда из вас выйдут неплохие буддисты. Может быть, даже лучшие, чем из нас. Ведь вы умеете трудиться. Вам осталось только обратить своё усердие внутрь, потому что работа над своим сознанием – это тоже труд, он тоже тяжёл, он тоже требует многих лет обучения и профессионализма.

Интуиция

Вы, сидящие здесь, должны знать, что такое пустотность вещей. Вещи пусты от абсолютного, самосущего бытия. От универсального существования в виде чистых абстрактных идей. Они не существуют независимо от других вещей.

Те из вас, кто изучали философию школы читтаматра, знают, что есть разные виды пустотности. И есть две крайности, в которые обычно впадают люди. Первая крайность – считать, будто концепты имеют природу вещей. Вторая – напротив, думать, будто вещи имеют природу концептов.

Что такое концепт? Это идея, понятие. Или, если хотите, слово. Или знак. Например, понятие «стол». Когда мы верим, будто действительно существует некий абсолютный «стол» вне зависимости от людей, которые его считают таким – тогда мы придерживаемся первой крайности. Когда мы считаем, будто дерево стола – это такая же условность, договорённость, фикция, иллюзия, как и слово «стол», – придерживаемся второй.

Тем, кто находится здесь, это должно быть хорошо известно. Для других людей это не так очевидно. Вы спросите меня: разве это проблема? Особенно на фоне всемирного кризиса, на фоне проституции, на фоне наркотиков из стран Ближнего Востока, на фоне бедности в Африке и в Азии. Разве это незнание мешает людям жить? Разве это делает их несчастными? Это знание или незнание буддийской догматики – кого оно может сделать несчастным? И разве оно необходимо так же, как воздух?

Правда заключается в том, что это незнание действительно делает несчастным. И оно в самом деле нужно, как воздух. Особенно оно нужно Европе, люди в которой ослеплены первой крайностью. И это не просто учёное мнение.

Я постараюсь показать вам, каким образом непонимание пустотности лишает европейца свободы и счастья, начиная с его детства.

Для этого нам потребуется вспомнить два понятия. Логика и интуиция.

Что такое логическое мышление? Это – отображение реального мира с помощью абстрактных моделей, фигур или знаков, которыми человек затем оперирует. Это похоже на полководца, который расставляет на доске фигурки солдат, башен и коней. Так появились шахматы. А большинство людей вместо коней пользуется концептами: словами или знаками. И здесь вам нужно знать, что концепт – это и есть некая идеальная сущность, которая всегда подчиняется универсальным законам и которой на самом деле нет. Например, конь в шахматах всегда ходит одинаково, сколько бы фигур ни стояло рядом, но таких коней в действительности не существует. Логика – прекрасная вещь, но проблема в том, что она упрощает действительность. Те, кто мыслят логически, обычно забывают об этом.

Что же такое интуиция? Это сила ума понимать нечто о вещах, пользуясь самими вещами. Точнее, субстратом вещей, а не их обозначениями в виде слов или знаков. Это происходит, когда вы видите, слышите, пробуете на вкус, осязаете, обоняете или понимаете. Интуиция не может родиться без пяти органов чувств и органа понимания.

Я приведу пример из реальной жизни. Вы готовите салат и кладёте в него соль. Если вы берёте при этом ложку и пробуете, чувствуете, что вам чего-то не хватает, добавляете ещё щепотку, снова пробуете, и снова вам не нравится вкус – это и есть интуиция. Обратите внимание, что вы не пользуетесь в этот момент словами. Вы пользуетесь солью и ложкой. И, когда пробуете, вы не называете соль солью.

Когда же вы берёте поваренную книгу и читаете её, и видите, что там написано «блюдо надо солить», это – логика. Дальше написано, что соли должно быть столько-то граммов на один килограмм. Грамм и килограмм – это всё слова. Не существует «просто» грамма и «просто» килограмма, в чистом виде, это всегда грамм чего-то. Но вы доверяете книге и послушно солите ваш салат в том объёме, который указан. Почему? Потому, что вы верите, что так – хорошо, а иначе будет плохо. Потому, что вы поддались первой крайности. Вы верите, что существует «соль» в чистом виде, как абсолютное благо, источник счастья и здоровья. Что соль – это хорошо, а без соли – плохо. Так и рождается двойственное видение и оценочное мышление. Спросить свой собственный организм, который вам верно служит с момента

рождения, вы при этом забыли. Чужому человеку вы поверили больше, чем вашему телу.

Я не призываю вас уничтожить всю логику. Опирайтесь только на интуицию – это всё равно, что всегда ездить на лошади вместо автомобиля. Логика – прекрасная вещь, без неё не смогли бы работать аэропорты, автомобили и холодильники, без неё европейцы никогда бы не собрали свои прекрасные машины, которые помогают многим людям. Но, на мой взгляд, в Европе слишком много логики. И это слишком мягко сказано. В голове европейца только логика, и это начинается с детства, со школы.

Давайте посмотрим на школу. Ребёнок приходит в школу, и его начинают учить математике. Что такое математика? Математика – это чистая логика, это операции с чистыми, абстрактными цифрами. Пять плюс пять равняется десяти. Пять чего? Десять чего? Не существует чисел в отрыве от вещей. Но разве ребёнку объясняют это? Совсем наоборот, его приучают верить, что цифры – это что-то, что существует реально и независимо от всех вещей. Делается всё, чтобы ребёнок поверил в это. Ведь если он решит пример неверно, его накажет учитель, а затем родители. А как наказывает учитель? Отметками, то есть теми же самыми цифрами. Эти цифры – чистая условность. Но нет, каждому ребёнку внушают, что они – реальные. И как же ему не поверить в их реальность? Ведь от этих цифр зависит отношение родителей к нему.

К сожалению, европейская модель образования уже проникает и в Индию, и в Китай. В результате тибетских детей тоже учат верить в вещественную реальность цифр, что разрушает здоровые чувства их ума. К счастью, пока наши дети сопротивляются этому, они смеются над отметками. Я не знаю, что будет дальше, но иногда необразованность – не самая большая беда.

Что ещё изучают в школе? Например, родной язык. А каким образом? Через правила. Все эти правила – тоже чистая условность, их создают сами люди для своего удобства. По большому счёту, не существует неправильной речи. Все слова, что вы произносите, правильны, если вас поняли, поскольку язык создаётся человеком. Про детей никто не говорит, что они «неправильные» и такими им быть нельзя. В Америке вас будут судить, если вы скажете про ребёнка, что он

«неправильный». Дети просто разные. Есть выражение «евонный». Например, говорят, не «его, Клауса» (Klausens), а «евонный» (Klausssein). Логика считает, что это неверно, а интуиция – что это просторечие. Просторечие не значит неверно. Иногда оно нужно. Например, когда вам приходится общаться с грубыми людьми и вы хотите, чтобы вас поняли. Или не хотите, чтобы вам причинили вред.

Я совсем не хочу сказать, что нужно забыть правила и стать неграмотным. Правила воспитывают человека и укрощают его грубость, поэтому они нужны. Я хочу сказать, что по-настоящему грамотен не тот, кто знает тысячу правил, а тот, кто имеет языковое чутьё. Чутьё – это интуиция. Но её невозможно вырастить, веря в абсолютность правила, как внушают детям.

Когда я только приехал в Европу и учился говорить на европейских языках, меня часто поправляли, особенно немцы. Это вообще национальная немецкая черта – указывать на чужие ошибки. Конечно, я знал мало слов, но при этом я пытался конструировать новые слова из тех, которые знал. Я говорил, например, «идтил» (gehte), а не «шёл» (ging). Или говорил, что дерево «листаёт» (blättert), а не только цветёт, хотя «листать» значит «переворачивать листья», а не «выращивать листья». Так говорить нельзя, я знаю. В тибетском языке так можно. Наш язык более мягкий, он ещё не настолько застыл. В тибетском языке, например, можно назвать ученика-мужчину и словом «лобпа», и словом «лобма». «Па» – это суффикс мужского рода, а «ма» – женского. Оба варианта будут верными. В тибетском языке нет единственно верных вариантов. Я боюсь, что от соприкосновения с китайским и английским тибетский язык тоже застынет, окостенеет, и это будет очень грустно. Но я отвлекся.

Итак, я изобретал новые слова, и меня поправляли. Затем, изучив язык лучше, я стал читать некоторых европейских авторов в оригинале. Например, Ницше. Я не хочу говорить сейчас о философии Ницше, в которой всё смешано, как в салате. Меня удивило другое: его язык. Ницше тоже изобретал новые слова. И ему никто не ставит это в вину. Напротив, все говорят: Ницше – гений, мастер языка. Конечно, мастер, но при такой системе, когда ребёнок верит в незыблемость и абсолютность правил, когда он верит, что концепт обладает природой вещи, не появится больше ни одного мастера языка.

И так с любым школьным предметом. Ребёнок изучает историю. Но разве он изучает её в «сыром» виде? История в сыром виде – это древние документы, законы, письма, стихи, картины. Опираясь на них, можно почувствовать, как раньше жили люди, можно развить интуицию. А в обработанном виде – это мнения учёных-историков. Мнения – это концепты, а не сам субстрат истории. Кроме того, европейские учёные обожают придумывать новые слова. «Капитализм», «социализм», «коммунизм», «теократия». Все эти слова – концепты, но сама по себе вещь пуста от природы концепта. Я думаю, что революция в Германии была совсем не тем же самым, чем была революция на Кубе или в Китае. Теократия в Тибете – совсем не то же самое, чем была теократия в Европе. Например, у нас никогда не было инквизиции, мы не сжигали колдунов, хотя в Тибете до сих пор много колдунов. Может быть, именно поэтому. У нас не было крестовых походов и религиозных войн, ламы и монахи никогда не участвовали в войнах. Разве это похоже на европейскую теократию? Но учителя очень любят внушать ребёнку, что такие слова, как «теократия», что-то значат сами по себе. И успешность обучения оценивается по тому, насколько ученик умеет приклеивать к вещам ярлыки понятий, которые уже давно приклеены до него. Самостоятельной работы ума при этом не происходит никакой. Когда же дети вырастают, становятся учёными, они начинают спорить о природе этих понятий. Например, они спорят о том, что такое «революция» или «теократия». Это не очень полезно хотя бы потому, что «революция» – это только то, что мы вкладываем в это слово, не больше и не меньше.

Теперь посмотрите на то, как в европейских школах оценивают знания детей. Тестами. В тесте всегда есть правильный ответ, он только один и всегда выражается словом. Так студент привыкает к мысли, что в жизни на всё есть правильный ответ. Что ответ всегда только один. Что истина – это слова. Что открыть истину могут только специалисты, а он к этому неспособен. Ведь в тесте нельзя почувствовать правильный ответ, его можно только заучить. Интуицией не пользуются, и она отмирает. Но слова никогда не несут истину сами по себе, любое слово – концепт. Слово – знак, а знак не всегда похож на то, что он обозначает. И самое главное, они, слова, не учат чувствовать вещи, так как концепты пусты от природы вещей.

Хорошо, но разве нельзя прожить без интуиции? Можно. Но я хочу рассказать вам, что это за жизнь.

Возьмём для начала такое явление, как мода. В Европе очень сложно найти со вкусом одетых женщин. Вы скажете, что для вас это не главное. Неправда. Для любой женщины очень важно хорошо выглядеть. Но европейская женщина не верит своим глазам и своей интуиции. Это качество ума начали убивать, когда она была ещё ребёнком, убивали очень долго и, в конце концов, убили совсем. Она не считает себя достаточно компетентной для того, чтобы судить о своей одежде. Ведь есть профессиональные дизайнеры и модельеры. И вот, подчиняясь причудам этих людей, женщины носят сапоги на толстой подошве с квадратными носами, как у солдат. Даже если бы я не был монахом, я бы не хотел жить рядом с женщиной-солдатом. Я бы боялся, что меня затопчут этими сапогами. В Европе треть всех матерей растит детей без отца, а половина браков заканчивается разводом. Я думаю, это не чудо. Я думаю, чудо – то, что у некоторых детей ещё имеются какие-то отцы.

Кстати, мудрость, то есть интуиция, это женщина. Логика – мужчина, интуиция – женщина. Существует пара т а б – ш е р а б. Метод и мудрость. Метод – это логика, мужчина. Мудрость – это интуиция, женщина. Неудивительно, что при системе образования, которая убивает интуицию, женщины становятся мужеподобными. Таких женщин нужно не бранить и не порицать, а жалеть и по возможности помогать им. Но помочь им сложно, потому что в них мужская грубость, упрямство и отсутствие чуткости сочетается с женским отсутствием логической разумности.

Про медицину и здоровье я уже говорил. От недостатка интуиции происходят болезни, и это чистая правда, а не преувеличение. В газете написали, что сырые овощи очень полезны, и я буду их есть. Правда, я их терпеть не могу, в них слишком много «воды», а у меня в организме и так избыток «воды». Но газете я поверю больше, чем своему телу. Ну и что с того, что моя жизнь сократится на пять лет? Зато я жил «по науке» и буду утешать себя тем, что ел «очень полезные» овощи. Европейцы и американцы смеются над индийской и тибетской мифологией, они считают Гаруду или Шри Дэви сказочными существами, которых никто не видел. Но самое сказочное – это калории, которых никто никогда не видел. Но эти сказочные

калории на самом деле сокращают жизнь людям, которые верят в них и считают съеденные калории.

Пойдём дальше. Европейец включает телевизор и слышит современную музыку. Если бы у него было хоть на грамм интуиции, он бы почувствовал, как эта музыка враждебна и неприятна. Но он не верит своим ощущениям. Он верит словам и мнениям специалиста, профессионала. Лучше всего, если этот специалист – доктор наук, какой-нибудь учёный-музыковед, который десять лет учился чужим мнениям о музыке. На худой конец, профессиональный музыкант. И такой специалист находится. И этот учёный или профессиональный музыкант сообщает, что современная музыка имеет «особый стиль», что в ней заложены глубокие переживания и мысли, особый «порыв» и «подъём». И обычный человек верит этому специалисту, потому что боится показать своё невежество. Но невежество как раз и состоит в вере в слова.

А разве современная музыка может пробудить интуицию? Интуицию всегда нужно упражнять на сложных предметах, из которых один чуть-чуть не похож на другой. Интуиция – это тонкий вкус, чуткое ухо, чуткий глаз, чуткий ум. В современной музыке ничто не упражняет восприятие. Эта музыка проста, как примеры из учебника арифметики. Очень громкая, и темп никогда не меняется.

Хуже всего получается, когда человек с умерщвлённой интуицией приходит в религию. Я думаю, это плохо для любой религии. Для буддизма это безусловно плохо. Когда такой человек становится буддистом, он тут же придаёт условным словам абсолютные значения. И это не только не приводит его к Освобождению, но поработает и отбрасывает назад.

Два примера.

Есть понятие передачи, «лунг». Лунг в переводе с тибетского языка – это разрешение. Или ручка. То, за что держатся. Это слово образно значит, что надо держаться определённой практики и её обетов. «Лунг» – это концепт. Не сам лунг, а слово «лунг». Лунг не существует без опоры на учителя и ученика. Но вот кто-то думает иначе. Кто-то думает, что есть такая вещь, как «передача», и её можно «получить», как камень или кусок мяса. Что для этого нужен только

лама, который сам её уже от кого-то «получил». У этого ламы в специальном ящике хранятся эти передачи, как куски мяса, и во время практики он их раздаёт. Наверное, передачи хранятся в холодильнике, чтобы не испортились. Лунг нельзя получить как вещь. Он сделан не из железа и не из меди. Но у большинства европейских буддистов полностью уничтожена интуиция. Они вообще не понимают, что такое образное значение слова. И вот они с серьёзным видом допрашивают каждого, «получил» ли он «передачу». Я надеюсь, что говорю не о тех, кто сидит в этом зале.

Другой пример – слово «лама». Иногда меня спрашивают, является ли тот или иной человек квалифицированным ламой. Если бы эти люди хоть немного понимали суть пустотности, они не спрашивали бы меня. Нет смысла спрашивать другого человека о том, является ли некто для вас ламой. Спросите самих себя.

Лама – это как мать. Если какая-то женщина для меня мать, разве это обязательно значит, что для другого она тоже будет матерью? А если она мать другому человеку, разве она обязательно будет моей матерью? Будет, если другой человек – мой брат или сестра. Я всё-таки чувствую, что не все люди – мои братья и сёстры. Я бы хотел, чтобы было по-другому, но я не Будда, а простой монах.

Лама – это «вещь». Для появления вещи нужны две основы. Первая – это субстрат вещи. Вторая – имя. Субстрат – это человек, который начинает выполнять обязанности ламы. Затем приходит кто-то и называет его ламой, даёт ему название. С этих пор появляется такой «предмет», как лама. Для кого? Для того, кто дал название. Для того, кто называет человека иначе, существует иной «предмет», а ламы не существует. Конечно, кого угодно нельзя назвать ламой, субстрат должен хотя бы немного соответствовать названию. Например, о некоторые камни можно точить ножи, но сложно назвать «точилом» совершенно гладкий камень. Однако это соответствие очень зависит от восприятия того, кто даёт имя. Обычно мы видим в окружающем мире то, чем мы являемся. Когда дакия, человек и демон смотрят на стакан жидкости, первая видит нектар, второй – воду, третий – мочу. Одновременно существует и нектар, и вода, и моча. Все три – реальны. Это не значит, что любой лама – просто мираж, что лам не существует или что любой человек – лама. Это значит лишь то, что «лама» появляется в нашей голове в момент называния человека этим

словом. Если я выйду на улицу в простой одежде, перейду улицу на красный свет и меня остановит полиция, для полицейского не будет существовать никакого кхенпо⁴. Будет нарушитель правил.

Посмотрите на светильник. Теперь поставьте палец перед глазами. Смотрите на палец. Сколько вы видите лампочек? Две. Сколько их на самом деле? Две. Я не шучу. Сейчас их две. Когда уберёте палец, будет одна. Логика говорит вам, что лампочка одна. Но кому вы больше верите: логике или своим глазам? Если бы у вас правый глаз был обычным, человеческим, а левый – глазом собаки, вы не различали бы цвета левым глазом. Вы видели бы две разные лампочки, жёлтую и серую. И их было бы для вас две. В мире собак действительно нет жёлтых лампочек. Есть только серые. И они так же реальны, как жёлтые. Не существует вещей в отрыве от восприятия.

Мне приходится выдавать «сертификаты ламы», хотя я пытаюсь не делать этого. Но если бы люди доверяли интуиции, а не словам, им не нужны были бы эти сертификаты. Та одежда и еда, которая нравится мне, может другому человеку быть вредной. Так же и учение человека, которого я считаю ламой, для кого-то окажется вредным. Но как европейцу верить интуиции, когда он столько лет не использовал её? Его интуиция не просто на детском уровне. Она ниже детской. Как долго придётся её воспитывать. А жить религиозной жизнью без интуиции – то же самое, что управлять автомобилем с завязанными глазами. Я ошибся: не автомобилем, потому что автомобиль – это машина, а машиной можно управлять при помощи логики. Управлять лошадью. Тот, кто не чувствует настроение лошади, тот, кто думает, что лошадь – это машина, обязательно упадёт с неё. Я не имею в виду шахматных коней. Только в шахматах кони всегда ходят одинаково, а на живую лошадь влияет её настроение и настроение седока. Хорошо, если плохой седок отделается ушибом. Но он может и сломать себе шею. Религия – это тоже лошадь. Я имею в виду, что она тоже живая. Поэтому не существует абсолютных норм того, как правильно вести себя и продвигаться к Освобождению. Существуют примерные правила и очень сложная настоящая жизнь. И в этой жизни иногда лучше нарушить правило, чем свалиться в пропасть.

Это не значит, что правила совсем не нужны. Думать так – другая крайность. Крайность мысли о том, что все вещи – чистая условность,

⁴ Настоятель монастыря, тж. почётный титул (прим. Л. Рёмера).

в том числе и такие, как страдание, добродетель или Освобождение. Тогда ничего не нужно, и вы зря теряете здесь время. Тогда вообще можно не жить, всё равно нет никакой разницы. В эту крайность часто впадают в Азии, в Европе – реже. К сожалению, некоторые люди могут впадать в обе крайности одновременно. Я не поверил бы, если бы не видел таких людей своими глазами.

В Тибете есть горные тропинки, по которым вы идёте и видите кости и черепа. То же самое с буддизмом в Европе. На дороге европейского буддизма много трупов тех, кто упал с лошади. Я не преувеличиваю, это так и есть. И я не хотел бы умножать число этих трупов. Но это зависит не только от меня.

Что нужно, чтобы не искалечить себя? Чтобы не искалечить себя, начинающему буддисту нужно отказаться от веры в абсолютное значение слов, которую в нём воспитывали в течение всей жизни. И тем более он не должен смотреть на буддийские понятия – такие, как бодхисаттва, бодхичитта, Освобождение, стадия пути, парамита – как на что-то, что существует само по себе, без опоры на наше понимание. Эти понятия являются намёками на тот субстрат, который они обозначают. Поэтому нужно не учить слова, а учиться понимать природу вещей через слова. Это не очень просто сделать после долгих лет отсутствия практики, так же, как начать ходить после десяти лет сидения. И в религии это особенно тяжело, потому что бодхисаттву мудрости сложнее увидеть, чем дерево. Увидеть не значит вообразить. Я надеюсь, что все вы понимаете, как это важно. И я верю, что вы не только будете ходить, но и сможете объяснить другим, что такое ходить. И как можно ходить, опираясь не на слова, а на собственные ноги. Под «ногами» я имею в виду, конечно, «ноги» органов чувств и «ноги» вашего ума.

Буддизм и христианство

Когда царь Шуддходана, отец Будды, хотел начать войну с царём Магадхи, Просветлённый явился со своей сангхой и расположился в роще между двумя армиями. Сражения не последовало. Будда был очень далёк от того, чтобы быть политиком. И всё же в том случае Он повлиял на [современную Ему] политическую жизнь Индии. Случилось ли это только из-за слабости, жалости при виде Своего старого отца? Я так не думаю. Так Ушедшие лишены слабостей. Своим поступком Татхагата показал нам, что мы должны сражаться против зла разными способами, иногда и «мирскими». Мы должны работать не только над своим сознанием, но и над миром, в котором живём.

Ту же самую идею проповедовал и Иисус, которому христиане поклоняются как Богу. Иисус, которого мы также можем назвать бодхисаттвой за Его великое сострадание. И к настоящему времени последователи Иисуса поняли эту идею гораздо лучше нас, буддистов. Может быть, Его других идей они никогда не понимали. Может быть, они вообще ничего не поняли в учении Иисуса, кроме этой самой идеи. Но её они поняли – и осуществили.

Взгляните сами. Американские и европейские дороги, автомобили, телефоны, компьютеры, центральное отопление, стиральные машины – всё это есть результат их усилий сделать лучше мир, в котором мы живём. Может быть, вы скажете мне, что мир никогда не станет лучше через производство бóльшего и бóльшего числа автомобилей и стиральных машин. Но не смешивайте две вещи, мир и человека. Человек от производства стиральных машин лучше не станет. А мир станет. Когда я был молод, мы стирали нашу одежду вручную. В то время я был бы очень рад стиральной машине, даже самой плохой. У большинства тибетских крестьян до сих пор нет никакой. Даже если у них появится стиральная машина, во что им втыкать штепсель? Вещи не делают нас счастливей, это правда. Но также правда то, что некоторые вещи делают нашу жизнь проще, так что у нас появляется больше свободного времени для религиозной практики. Тяжело найти полчаса для медитации, если вы каждый день работаете по четырнадцать часов, чтобы заработать на хлеб и не умереть с голоду.

Ещё один пример. В средние века здесь, в Европе, среди христианских монахов были так называемые инквизиторы. Эти монахи желали «победить дьявола в сознании людей». Методы, которыми они побеждали дьявола, были ужасны. За несколько веков они сожгли живьём тысячи юных девушек и женщин. Наши естественные ужас и отвращение мешают нам понять простую вещь. А именно то, что некоторые из этих монахов искренне желали изменить к лучшему, воспитать людей, которых они сжигали. Каждого, юных и старых, всякого мирянина и мирянку. Спасти их из лап дьявола, так сказать. Конечно, инквизиторы в этом не преуспели. Измучив до смерти невинных мирян, после смерти они немедленно попадали в ад. Но наши монахи даже никогда не ставили перед собой такой цели. Наши буддийские монахи никогда не стремились «спасти» всякого мирянина в той стране, в которой жили. Из-за глубокого знания человеческой природы? Или из лени? Так что вы можете назвать нас и мудрецами, и трусами.

Когда рождается новая религия, появляются и её первые последователи, апостолы, так сказать. Они обычно хорошие люди, но не всегда – великие святые. Судьба религии зависит от силы их ума. Даже святые не всегда умны. Мне кажется, многие религии не достигли своего расцвета лишь потому, что первые апостолы были недостаточно умны. Даже Будда не открыл своим первым ученикам всё, что понял сам. Некоторые глубинные идеи, идеи П р а д ж н я П а р а м и т ы, Он поведал только нагам. И наги передали их нам, когда мы созрели для этого знания. Что, если иные истины, понятия Татхагаты, столь глубоки, что наги прячут их от нас до сей поры? Что, если даже наги не были достаточно мудры для того, чтобы понять всё, что Он узнал? Что, если могло быть четыре или пять поворотов Колеса Учения, а не три?⁵ Что, если в тот миг, когда Будда был готов повернуть Колесо Учения четвёртый раз, Он не обнаружил никого, кто способен был бы воспринять мудрость этого поворота?

Сейчас я хочу задать вам очень серьёзный вопрос, который кому-то может показаться даже чем-то вроде богохульства. Состоялся ли буддизм как религия?

⁵ Тремя поворотами Колеса Учения называются три наиболее значительных проповеди Будды, в которых Он излагал всю суть Своего Учения, каждый раз делая это несколько иначе, с каждым разом углубляя и расширяя Учение (прим. Б. Ю. Иванова).

Без сомнений, буддизм – великая религия. Без него вся Азия скатилась бы к ненависти, невежеству и фанатизму. Конечно, буддизм удался. Но в какой мере? И что вообще мы должны называть буддизмом?

Есть два тибетских понятия, которые можно перевести словом «буддизм». Первое – это с а н г ъ е к ъ и ч х о, или Учение Будды. Второе – это н а н г ч х о, или «наша внутренняя традиция».

И я утверждаю, что с а н г ъ е к ъ и ч х о – не то же самое, что н а н г ч х о. Первое – гораздо глубже, шире, сложнее. Мы неспособны познать всю истину в том виде, в котором её познал Будда. Может быть, лишь наги способны познать её в её немислимой сложности. Может быть, и они не могут. Я думаю, что и они не могут. Если бы какой-то наг достиг просветления и стал Буддой, его слава разошлась бы по всему миру, по всей Вселенной, ведь даже наги узнали о Будде Шакьямуни после Его Пробуждения. Но как может некто понять то, что понял Будда, сам не став буддой? Это заставляет меня думать, что даже наги не поняли полностью всего, что Будда открыл им. И разве можем мы быть уверены в том, что Он открыл им всё, что узнал?

Вы меня спросите, почему это так важно. Вот почему: это значит, что наш буддизм, наша н а н г ч х о, которую мы практикуем, не очень хорош. Неплох. Пригоден для личного освобождения. Но не полностью хорош. Это несовершенство – не вина Будды. Оно – наша вина.

Может быть, вы думаете, что религия – это что-то вроде похлёбки из капусты, о которой Дже Цонкапа писал во втором томе «Ламримченмо». Плоха она или хороша, свежая или старая, голодный человек всё равно её съест, и она ему поможет не умереть с голода. Если вы так думаете, вы ошибаетесь. Есть какая-то степень, точка на пути вырождения. Пройдя эту точку, религия становится ядом. В один прекрасный день очень старая похлёбка может стать травой.

Поразмыслите о следующих исторических фактах.

Я провёл (и до сих пор провожу) много времени, изучая историю Европы. В двадцатом веке Европа приняла участие в двух ужасных мировых войнах. Вторая мировая война была не просто сражением

двух армий. Она была великой битвой двух традиций, м а р п о й р и н г л у г и п х а ш и с и р и н г л у г. Коммунизма и немецкого национал-социализма, или фашизма. Немцы не любят слова «фашизм». Это смешно. Они в этом похожи на убийцу, который настаивает на наименовании «киллер». Я сам не вижу большой разницы между убийцей и киллером.

В тибетском языке слово «луг» означает также религиозную традицию. Нормальный член политического движения никогда не поклоняется своему лидеру как Богу. Когда он начинает это делать, политика кончилась. Началась новая религия.

Оба – немецкий национал-социализм и коммунизм – имели своих последователей, своих практиков, свои ритуалы, своих лам, даже своих живых божеств. Их лидеры оба были жестокими тиранами, но я хочу подчеркнуть не это. Поразмыслив о каждом, мы поймем, что немецкий фашизм был уродливой формой нашей внутренней традиции, так же как русский коммунизм – извращённым вариантом христианства.

В первую очередь взгляните на их символы. Как вы знаете, свастика – символ немецкого национал-социализма. Думаю, не нужно объяснять, что свастика – буддийский символ, символ Колеса Учения. Символами коммунизма были звезда и з о р а т о б а, серп и молот. Вспомните: когда еврейские астрологи увидели на небе новую звезду, они узнали, что родился Иисус. Серпом жнут пшеницу. Без пшеницы нет хлеба. А без хлеба нет христианства. Хлеб символизирует к о р п у с к р и с т и, тело Иисуса. Иисус встретился с молотком в начале и в самом конце Своей жизни. Он работал молотком, когда был плотником. И молотком Его пригвоздили к кресту. Между прочим, скрещённые серп и молот образуют крест, главный христианский символ.

Во-вторых, вспомните, что Адольф Гитлер послал в Тибет несколько экспедиций. Он даже привёз в Германию нескольких лам. Наверное, эти ламы были просто колдунами традиции Бён, а не настоящими ламами. И, конечно, их привезли не для проповеди Дхармы. Я думаю, Адольф Гитлер просто хотел выведать у них, как управлять людьми. И всё же он искал тибетских лам, а не христианских монахов.

Очень важен характер людей, которым поклонялись национал-социалисты и коммунисты. Первые создали идеал героя, ю б е р м е н ш. Сверхчеловека, супермена, который дерзает на то, на что обычные люди никогда не дерзнут. Такой герой должен был быть «арийцем», то есть арием. Опознать его можно было по физическим признакам, например, по цвету волос. Разве это не извращённая буддийская идея? «Убив отца и мать, разрушив царство, брахман идёт невозмутимо», – говорит Дхаммапада. Это не означает, что архат должен убить отца и мать. Архат и мухи не убьёт. Выражения вроде тех, которое я процитировал, очень опасны для слабых умов. Вы знаете, что архатов также называют «ариями», или благородными? В любом случае, вы наверняка знаете, что у каждого будды имеются тридцать две большие и восемьдесят малых л а к ш а н, или телесных признаков. И, разумеется, у него есть сверхъестественные способности, способности «супермена», сверхчеловека.

Коммунисты не поклонялись суперменам. Они восхищались мучениками. Во время первой мировой войны их мучеников пытали «капиталисты», во время второй мировой – немецкие национал-социалисты, «супермены». Их пытали, но они не отказывались от веры в своего лидера, своего полубога. И даже это божество, их первый вождь, Владимир Ленин, сам был мучеником, как и Иисус. Он умер от серьёзной болезни, после того как его ранили его политические враги. Ни один коммунист не мог надеяться на посмертную славу, если его не пытали враги. Ни в одной религии нет такого числа мучеников, как в коммунизме. Кроме христианства, конечно.

Самое важное – это идеи. Мне сложно назвать главную идею немецких национал-социалистов. Но я знаю их лозунг «Арбайт махт фрай», «Труд освобождает», написанный на воротах концентрационного лагеря в Освенциме. Этот лозунг цинично выглядит на воротах тюрьмы, из которой никто не мог освободиться. И всё же он – буддийский, если мы вспомним о том, что Будда достиг Освобождения своими усилиями, своим трудом, без помощи божеств. На самом деле, нацисты желали больше л е б е н с р а у м, больше «жизненного пространства». Они желали разрушить клетку, не «железную клетку страстей», а клетку их государственных границ. И подобно нам, буддийским монахам, они боролись и уничтожали своих внутренних врагов. Разумеется, не к л е ш и. Евреев.

А знаете ли вы, что было главной верой коммунистов? Их вера в коммунизм. Говоря другими словами, они верили в то, что однажды, коллективными усилиями всего человечества, мир станет так хорош, что каждый будет счастлив. Эта идея – христианская, о чём я уже говорил вам. Говоря «христианская», я не имею в виду её исключительную принадлежность в Учению Иисуса, и е ш у й ч х о. Я имею в виду то, что она – часть европейской христианской традиции, ч х и л и н г ч х о л у г, но не часть н а н г ч х о.

Я думаю, сейчас никто не осмелится утверждать, что всякое отображение учения Будды «съедобно», даже такое испорченное, как п х а ш и с и р и н г л у г. Здесь есть монахи, и они могут быть оскорблены сравнением с немецкими национал-социалистами. Они заявят, что мы, буддисты, не имеем с ними ничего общего. Не утверждайте этого поспешно. Кто может с уверенностью определить, насколько живой буддизм, н а н г ч х о, далёк от истинного Учения Будды, с а н г ъ е к ъ и ч х о? Что, если буддизм – такая же плохая карикатура на истины, открытые Буддой, как национал-социализм – плохая карикатура буддизма? Я не будда, и я не способен определить этого.

Не только это важно. В битве коммунизма и национал-социализма победил первый. Может быть, потому, что он был немного лучше в качестве «капустной похлёбки». Религии для голодного человечества. Чуть-чуть лучше. Но этого «чуть-чуть» хватило.

Сейчас я прошу вас забыть идеи толерантности и равной ценности разных религий. Они верны, но неверны. Вы все близки мне, и вы меня поймёте. Слушайте внимательно.

Буддизм многим лучше христианства. (Я имею в виду существующие «буддизм» и «христианство», н а н г ч х о и ч х и л и н г ч х о л у г, а не Учения Будды и Иисуса.) Он умней. Терпимей. Миролюбивей. Пригодней для личной практики, так как описывает множество искусных средств достижения Просветления и не требует посредничества священников при использовании этих средств. Он, как правило, не пробуждает фанатизма и не создаёт преувеличенных надежд. Он лучше всем, кроме одного. Он не желает улучшить этот страдающий мир. Он предлагает только бегство из сансары. Делая так,

он пренебрегает Буддой, который влиял на политическую жизнь, а не оставался в стороне от мира. И этот единственный недостаток может быть хуже, чем все недостатки христианства.

Нравственность в христианских странах увядает. Хорошо, если один из ста здесь является монахом или серьёзным практиком. В Тибете религия ещё жива, вера ещё сильна. До китайского вторжения треть тибетцев была монахами.

И всё же каждый мирянин в западных странах сейчас имеет возможность практиковать религию, так как у него достаточно свободного времени для духовной работы.

У тибетского крестьянина нет этой возможности. Необразованный крестьянин в Тибете, Индии или Вьетнаме не имеет ни досуга, ни нужных знаний о средствах работы над сознанием. Чем больше он изучает Учение, тем хуже работает и живёт. Мы, тибетцы, создали величайшую философию. В пятом томе «Ламримченмо» сотни страниц посвящены взаимозависимому существованию ш и н г т а к х о р л о, повозки. И всё же до китайского вторжения у нас вообще не было повозок. Прекрасно образованным монахам было неинтересно делать повозки, ведь «повозка взаимозависима и не существует в абсолютном смысле». Монастырская жизнь чиста и хороша, но каждый не может стать монахом. Наше старое тибетское разделение людей на ариев, «суперменов», и «евреев», обычных людей, которые умрут в концентрационном лагере сансары. Мы, арии, как и немецкие «арийцы», проповедуем: «Труд освободит вас», но мы знаем, что их тяжёлая работа не освободит их. Мы, тибетцы, не изобрели бомб и пулемётов. Но мы не изобрели ни повозки, ни стиральной машины. Кому-то ручная стирка покажется духовной практикой. Но для большинства людей это просто ручная стирка.

Что должен делать хороший буддист, если он осознаёт этот большой недостаток своей внутренней традиции? Стать христианином? Конечно, нет. Но одну вещь он должен сделать. Ему стоит подумать о способах сделать мир лучше. Не всегда это – большое дело вроде строительства больницы или школы. Помочь старым родственникам или больным людям – этого уже достаточно. Будда учил нас активному состраданию, которое меняет этот мир действием, а не

только медитацией. Кажется, мы до сих пор не поняли это учение. Это невежество – не вина Будды. Это – наша вина.

Четыре истины

Нет, пожалуй, ничего более важного в нашем Учении, чем Четыре благородные истины. И, вероятно, ничего более глубокого в нашем каноне, чем Сутра сердца Добродетели Мудрости. В Праздникапарамита-хридая-сутре явлена сама суть, сердце Совершенства Мудрости. Конечно, каждый хотел бы узнать, как наиболее важные идеи буддизма отражены в самой глубокой сутре. Вы хотели бы узнать это? Вот эти строки:

*Дешинду дугнгалва данг
кюнджунгва данг
гогна данг
лам мэ.*

Значение этих слов следующее:

Нет страдания,
нет причины страдания,
нет прекращения страдания,
нет Пути.

Казалось бы, слова легкие, но довольно сложно понять, что они на самом деле значат.

Давайте начнем с первой истины. «Нет страдания».

Вы можете предположить, что страдания нет совсем. Есть две крайности, одной из которых следует каждый, кто размышляет об этих словах. Первой следуете вы, люди Запада. Вы действительно думаете, что нет никакого страдания. Вы так живете. Вы не заботитесь о своём здоровье или о своей смерти, которая, конечно, когда-нибудь придет. Вы рассматриваете страдание как нечто позорное. Вы боитесь, что о вас скажут, что вы страдаете. Тот, кто страдает, не может быть счастливым, не сможет хорошо работать и теряет всё, что у него есть. Так и есть в вашем жестоком западном мире. Хотя любой, кто старательно избегает страдания, никогда не освободится от оков самсары. От чего ему тогда освободиться? Какова будет его мотивация?

Некоторые думают глубже. Некоторые религиозные люди Запада способны встретиться лицом к лицу со страданием. Они полагают, что все это страдание есть радость. Что каждый раз, чувствуя боль, надо радоваться этому, вместо того чтобы страдать. Эта христианская идея глубока. Однако для обычного человека она не работает. Чтобы испытать радость вместо боли, нужно долгое время работать над своим сознанием. Кто-то пытается это сделать без нужной подготовки. И когда терпит крах, незамедлительно начинает винить в этом свою религию как набор старых неправд. Хотя я, буддист, считаю христианство чем-то бóльшим, чем просто собранием лжи.

Мы, восточные люди, придерживаемся другой крайности. Мы понимаем слова Будды слишком буквально. Мы прекрасно осознаём, как много страдания в мире. Так зачем заботиться о мирских делах, если в мире нет ничего, кроме страдания? Страдание существует, это данность. Никто не может изменить этого. Строительство школ, больниц, создание новых машин бесполезно, потому что никакое усилие никогда не сможет уничтожить эту огромную массу страдания. Так рассуждаем мы, люди Азии. Поэтому мы отказываемся от любой активности. Нам больше нравится мечтать, чем работать. Я не могу решить, какая крайность хуже. Обе довольно плохи.

Есть ли страдание, или его всё же нет? Конечно, оно существует. Хотя и не само по себе, не опираясь на себя, другими словами, нет «субстанции страдания». В действительности во Вселенной есть субстанция, то есть вещественная основа земли, воды, воздуха и огня. Но никогда не существовало и не может быть никакого отдельного вещества страдания. Его основа – у нас в голове. Поэтому совершенно неверно говорить, что «страдание существует». Лучше сказать: «Есть страдающие существа». Так гораздо лучше. Это, может быть, удержит вас от безразличия к миру, от которого страдаем мы, люди Востока. Это, может быть, пробудит в вас активное сострадание к страдающим существам, чего так не хватает нам.

Представьте, что одновременно исчезнут все существа, живущие на Земле. Вещь под названием «Земля» в этот момент тоже исчезнет, поскольку не будет никого, кто называет её так. Все же сама сущность Земли, её вещество не изменится. Но любое страдание прекратится раз и навсегда, поскольку никто не будет страдать. Вот почему никакое страдание не существует независимо, опираясь само на себя.

Каков источник страдания? Это – наша способность оценивать вещи. Способность воспринимать их как «дурные» или «хорошие». Как только мы называем вещь «дурной», появляется страдание. Представьте себе очень богатого человека, который внезапно стал бедным, из-за чего он вынужден снимать очень дешевую квартиру. В квартире – только одна комната, может быть, только с двумя окнами, с одним столом и одним диваном. Как только этот человек входит в комнату, он называет ее «плохой» и страдает. Теперь вообразите заключенного, который получит эту комнату после освобождения из своей маленькой и скверно пахнущей тюремной камеры. Как будет он рад этой комнате! Ведь в тюремной камере у него вообще не было дивана и окон. Комната – та же самая в обоих случаях. Наше страдание не зависит от «вещей», как видите. Оно даже не зависит от восприятия, потому что оба человека видят те же самые окна. Оно зависит только от нашей способности называть вещи «плохими» и страдать от того, что они «плохие».

Что же тогда заставляет нас считать вещи дурными? Наше невежество. Невежество считается в нашем Учении единственной причиной происхождения страдания. Что такое невежество? Ложная идея о том, что вещи существуют сами по себе. Идея о том, что они могут быть «хорошими» или «плохими» отдельно от нашего ума. Откуда возникает эта идея? Из нас самих. Если «мы сами» существуем, то внешние вещи существуют тоже, так мы думаем. В действительности, мы всегда видим только наш собственный ум. Материя, субстрат вещей действительно существует, но именно наш ум преобразует их вещество в то, что мы видим. Мы не можем отказаться от веры в «самих себя». У каждого животного есть концепция «самого себя», тем более есть она у людей. Без этой концепции мы не заботились бы о себе и умерли бы через день или два. Именно поэтому Хридая-сутра говорит, что нет никакого происхождения страдания. Это означает, что нет независимого происхождения страдания. Его источник – не где-нибудь, подобно источнику воды в пустыне. Этот источник – наш ум. Это мы. Так мы должны понимать Вторую истину.

Я также считаю, что не стоит говорить о «вере в независимое существование вещей, которая является источником страдания». Идея совершенно верна. И все же она очень часто понимается неверно,

особенно начинающими буддистами. Те, кто воспринимает её слишком буквально, могут предположить, что нет ничего легче, чем Освобождение. Чтобы достичь Освобождения, каждому стóит только понять, что вера в независимое существование вещей является ложной. И сразу же Просветление будет обретено. Так кажется кому-то. Это очень далеко от правды. Вы не можете избавиться от веры во внешние источники счастья, просто отрицая их, как бы умны вы ни были. Ваше сознание намного шире, чем ваш интеллект. Не интеллект, а ваши привычки восприятия имеют значение. Чем совершенней ваши привычки, тем меньше вы страдаете. Но у вас не будет хороших привычек, если вы не будете культивировать шесть достоинств, или, более точно, шесть совершенств.

Рассмотрите совершенство даяния. Представьте себе человека, привыкшего отдавать то, что он имеет. Такой человек не будет считать свою собственность «благом». Поэтому он не будет страдать, если что-то у него украдут или отберут силой.

Рассмотрите совершенство дисциплины. Дисциплинированный человек привык повиноваться правилам. Он не будет считать самые строгие правила «злом». Такой человек не будет страдать в тюрьме, в армии или всякий раз, когда требуется соблюдать строгие правила.

Рассмотрите совершенство терпения. Тот, кто привык быть терпеливым, не будет считать физическую или умственную боль чем-то очень скверным. Он не будет страдать так же сильно, как другие.

Рассмотрите совершенство усердия. Тот, кто привык упорно трудиться, не будет считать труд «злом», поэтому он не будет страдать от необходимости много трудиться.

Наконец, рассмотрите совершенства сосредоточения и мудрости. Тот, кто в состоянии сосредоточиться и тщательно анализировать вещи и события, может с легкостью изучать новое. Такой человек способен легко взрастить в себе иные совершенства и таким образом избежать страдания. Кроме того, мудрый человек может осознать, что наше счастье опирается только на наш ум. Простого понимания этого недостаточно, но всё же такое понимание уменьшает наше страдание и делает корни других достоинств более сильными.

Фактически, нет никакого другого способа достигнуть Окончательного Освобождения кроме взращивания этих шести совершенств. Вы можете смеяться надо мной и думать, что только моя принадлежность к школе Гелуг заставляет меня так говорить.⁶ Думайте, что хотите. Все же я полагаю, что никакая религия не может привести человека к Освобождению иным способом, чем через воспитание этих шести совершенств. Это действительно так. Почему? Потому что без совершенств у любого человека нет необходимой способности воспринимать «неприятные» вещи как хорошие. Эта способность не появляется просто от веры. Эта способность – то же самое, что привычка восприятия. Представьте себе, что вы ограблены. Вы можете искренне полагать, что нужно быть щедрым. Вы можете повторить это себе сотню раз, но это не поможет, вы будете несчастны от осознания того, что вас ограбили, если в действительности вы жадный и эгоистичный человек.

Единственным способом стать щедрым являются ваши щедрые дела. Есть закон кармы, согласно которому мы действительно верим в то, что нечто является благом, только в том случае, если мы совершаем это «нечто» по нашей собственной доброй воле. В случае если мы совершаем дурные поступки, мы начинаем полагать, что дурное – хорошо. Почему? Это легко: мы всегда уважаем то, над чем работаем. Иначе это означало бы, что мы работаем над тем, что нам не нужно. Никто не захочет считать себя таким идиотом. Мы верим, что даяние хорошо, только тогда, когда мы бескорыстно отдаём нечто другим людям. Мы полагаем, что дисциплина хороша, только в том случае, если сами дисциплинируем себя. Мы полагаем, что перенесение боли хорошо, только если упражняемся в терпении боли. Мы полагаем, что усердие хорошо, только если мы упорно трудимся. И так далее, и так далее. Без этих убеждений мы будем чувствовать себя несчастными каждый раз, когда мы чувствуем боль, ограблены, вынуждены придерживаться правил или обязаны упорно трудиться. Вы видите, нет иного пути к Освобождению кроме как через совершенства, и нет иного пути к совершенствам кроме как через благие дела и благие мысли.

Теперь давайте перейдем к Третьей благородной истине, как она изложена в Хридая-сутре. «Нет Освобождения».

⁶ Школа Гелуг делает основной упор на воспитание добродетели (прим. Б. Ю. Иванова).

Просветление, конечно, существует. Никто не прилагал бы усилий, чтобы достичь чего-то, чего в действительности нет. Так почему сказано, что нет никакой Нирваны? Потому что многие из вас неправильно понимают Нирвану. Нирвана – это не место, куда нужно прийти. Это не какое-то тонкое вещество, из которого сделаны небесные замки. Нирвана – это просто способ, каким мы видим все вокруг. Обычный человек видит вещи абсолютно неправильно. Личные желания этого человека затемняют, омрачают правильное восприятие этой вещи. Вы никогда не поймете, каковы женщины на самом деле, если будете желать их. Как только вы перестанете их желать, вы узнаете многое о них. Вместо объектов вашей страсти вы увидите в них людей. Поэтому каждый монах может быть превосходным соблазнителем, поскольку он понимает женщин. Плох монах, который не способен соблазнять женщин. И монах понимает женщин, потому что он отрекся от них. Как только вы отречётесь от всех своих желаний и воспитаете ваши совершенства, ничто не будет для вас «дурным». Или, говоря другими словами, вы увидите мир таким, каков он есть. Ваш ум, через который вы видите мир, и реальный мир, который существует, не будут больше различаться. Это – Нирвана. Нет никакой другой Нирваны, кроме этого самого мира, в котором мы живем. И наоборот: нет ничего в этом мире, что не имеет природы Нирваны. Именно поэтому никакая отдельная Нирвана никогда не существовала. Так вы должны понимать Третью истину.

И теперь последняя благородная истина: истина Пути. «Нет никакого Пути», – гласит Хридая-сутра. Каков смысл этого тёмного изречения?

Путь существовал всегда. Нет Освобождения без Пути. Но что такое Путь? Вам сказал это Будда. Правильное понимание, правильные дела, правильная речь, правильные мысли, правильный способ зарабатывать на жизнь, правильные усилия, правильное внимание и правильное сосредоточение. Но какие дела можно назвать правильными? Те и только те, которые создают наши хорошие привычки, те, которые укореняют наши добродетели. Никакое дело нельзя считать хорошим или плохим раз и навсегда.

Даяние милостыни бедным людям хорошо. Однако оно дурно, если вы совершаете его из гордости. Оно также дурно, если вы отдаёте нищим свой последний грош и у вашей семьи не остается ничего на жизнь.

Убийство плохо. И всё же убийство опасного террориста хорошо, если у вас нет никаких других способов остановить его. Короче говоря, хороши те дела, слова и мысли, которые уменьшают сумму страдания всех живых существ. Но эти дела, слова и мысли – дела, слова и мысли нашей повседневной жизни. Нет каких-то специальных религиозных, «буддийских» дел, слов и мыслей. Внимание, которое вы уделяете телу и уму в то время, когда медитируете, – то же самое внимание, которое вы используете, пересекая улицу. Это не специальное религиозное внимание. Сосредоточение на Будде – то же самое, которое вы используете, читая газету. И так далее. Никакой особый Путь никогда не существовал. Вы, западные буддисты, считаете, что Путь – это американское шоссе с дорожными знаками. Теперь вообразите пустыню или поле. В пустыне вы можете пойти в любую сторону. Есть направление к Нирване. Но поле вокруг всегда будет одним и тем же. Нет ни асфальта, ни дорожных знаков в вашей жизни, и быть их не может. Духовная деятельность не отмечена специальными знаками. По крайней мере, не в самом начале пути. Путь – только направление, в котором вы должны пойти. Он нигде не существует, ни на земле, ни в небе. Направление является одинаковым для всех религий, не может быть другого. Нет никакого Пути, отдельного от жизни. Нет никакого буддийского Пути, отдельного от христианского. Вы действительно думаете, что христиане могут достичь Царства Небесного, не воспитывая добродетели или не совершая благих дел? Вы серьезно ошибаетесь, если думаете так. Нет другого способа чувствовать себя счастливым и избежать страдания кроме воспитания добродетелей. Единственное, что отличает буддиста от христианина, – это в а х а н а, транспортное средство. Транспортное средство, а не Путь. Мы, тибетцы, едем на спине медитации. Многие христиане притворяются, что едут на автобусе Причастия. Только они не замечают, что их автобус сломан. Возможно, у небольшого числа христиан есть и другой транспорт. Вера в то, что пути различны, причиняет много вреда. Она ведёт к постоянным спорам о том, чей путь лучше. И более того: она ужасно затемняет путь к Освобождению. Решив, что Путь существует как независимая вещь, сам по себе, вы продолжаете искать асфальт, искать рецепт своего счастья. Нет таких рецептов! Существует только ваша жизнь. Только от вас зависит, в каком направлении вы пойдёте по вашей жизни.

Теперь, как заключение, я повторю Четыре благородные истины, так, как они изложены в Хридая-сутре.

Нет никакого страдания. Есть страдающие существа.

Нет никакого внешнего источника страдания. Мы сами источник.

Нет никакой Нирваны, кроме того мира, в котором мы живем.

Нет никакого Пути. Есть направление.

Размышляйте над этими словами снова и снова.

Научно-популярное издание

Кхенпо Кьосанг Ринпоче
ЕВРОПА ГЛАЗАМИ СНЕЖНОГО ЛЬВА

Пер. с англ. Б. Ю. Иванова, А. О. Ламыкиной. Е. С. Смоленской.

Редактор Б. Ю. Иванов

Иллюстрация на обложке – Дж. Тэнниел, Л. Рёмер

Издательство Ярославской региональной общественной организации
по изучению культуры и этнографии народов Востока
150035, г. Ярославль, ул. Ньютона, 61–34

Подписано в печать 06.05.2012. Формат 60х90/16. Гарнитура
«Гарамонд», «Таймс». Усл. печ. л. 5,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 1(2012).